

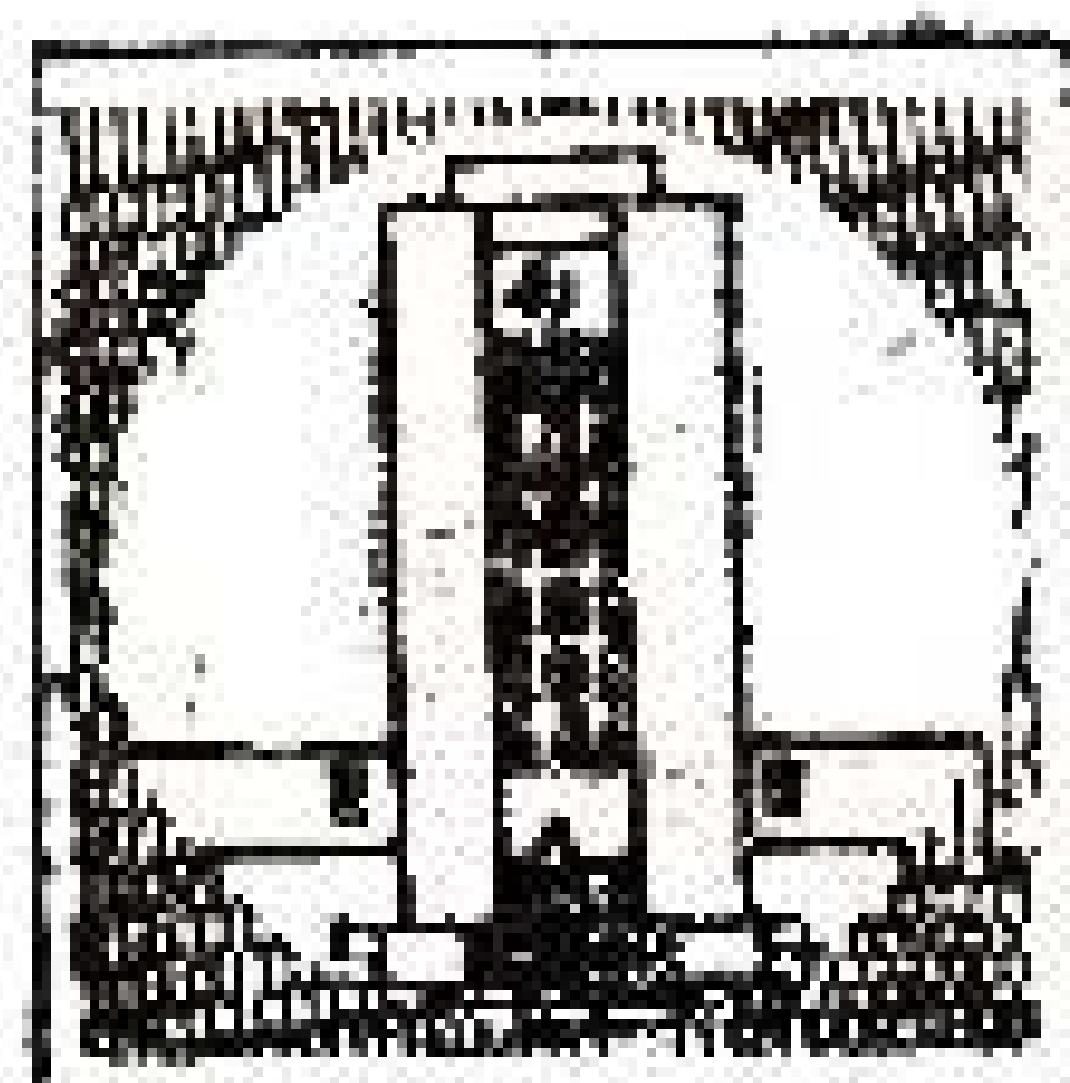
ISSN 0236—2910

ВЕСТНИК МОРДОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

4
1995

ВЕСТНИК МОРДОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1996

4

НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
издатель Мордовский университет

Основан в январе 1990 г.
Выходит один раз в квартал

СОДЕРЖАНИЕ

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Экономика и философия

Кормишкин Е. Д., Кормишкина Л. А. Налогово-бюджетная политика в переходной экономике России 3

Песоцкая Е. Н. Современные научные представления о материальном носителе человеческого сознания и деятельности 6

Филология

Аникина М. В. К проблеме валентности существительных в современном немецком языке 10

Морозова Е. С. К истории глагольных форм прошедшего времени в различных письменных памятниках древнерусского и старорусского языков XI — XVII вв. (Вероятностно-статистический анализ) 12

Рогачев В. И. «Мордовская свадьба» М. Е. Евсеева: структура, принципы организации, жанровое своеобразие 16

Феокистова В. В. Системный подход как основной метод лингвистического исследования терминологии 19

История

Грачева Е. З. О русско-иранской торговле на Нижегородской ярмарке в XIX веке (По материалам Государственного архива Нижегородской области) 23

Ковшова В. М. Народное ополчение на территории Мордовии летом — осенью 1941 года 27

Бирюкова С. Б. Работа эвакуированных Мордовии в 1941 — 1945 г. 30

Юриспруденция

Тязин Е. Н. Организация и деятельность специальной судебной коллегии Верховного суда Мордовской АССР по рассмотрению дел о государственных преступлениях (1934 — 1938 гг.) 33

Яфаров М. Р. Проблемы совершенствования правового статуса налоговых органов 38

Педагогика

Масленикова Л. В. Логико-генетический анализ физического знания при профессиональной направленности преподавания 42

Гордеева Н. А. Педагогическое стимулирование саморазвития творческого воображения студентов — будущих учителей 46

Энциклопедия в журнале

Лунин В. С. О некоторых аспектах плана-проспекта «Мордовской энциклопедии» 47

ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

М е д и ц и н а

Лещанкина Н. Ю., Федоткина Л. К., Спасов А. А., Костина Н. Я. Антиаритмические и гемодинамические эффекты ритмидазола 52

Плотникова Н. А. Эстетической области полости носа 55

Микуляк Н. И., Кинзирский А. С., Русейкин Н. С., Светликова И. В., Засыпалова Т. Б. Изучение связи между уровнем простагличлина и тромбосана в крови опухоленосителей и характером спонтанного метастазирования карциномы легкого Лизокс 57

М а т е м а т и к а

Никитин И. П. Приведение управляемых механических систем к нормальному виду 58

Фирсова С. А. Об устойчивости равновесия механических систем 62

ХРОНИКА. РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

Ямашкин А. А., Моисеев В. А. Возможности использования геонформационных систем в региональных исследованиях (Постановка проблемы) 66

Огородников Ф. С. Спорт в Мордовском университете: история, достижения и проблемы 69

Пресняков В. Н. «Камни рассказывают...» 71

Главный редактор Н. П. Макашкин

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я

Атасов Н. И., Балаиов В. А., Бусарова Р. Н. (ответственный секретарь),
Вантюсов Ю. А., Воскресенский Е. В., Гридин А. Е., Ивлев В. И., Кокорев В. А.,
Лапшин С. А., Мишанин Ю. А. (заместитель главного редактора),
Мокшин Н. Ф., Наумяченко И. Л., Нестеров С. А., Ревин В. В.,
Савкин Н. С., Селяев В. И., Сухарев А. И., Шичкин П. В.

Адрес редакции: 430000, г. Саранск, ул. Большевикская, 68.

Сдано в набор 27.11.95. Подписано в печать 28.12.95. Формат 70 x 100 1/16. Бум. газетная. Печать высокая и офсетная. Гарнитура Литературная и Таймс. Усл. печ. л. 5,85. Уч.-изд. л. 6,0. Усл. кр.-отт. 6,18. Тираж 800 экз. Заказ 1147. Цена свободная.

Типография Издательства Мордовского университета.
430000, Саранск, ул. Советская, 24.

© Мордовский государственный университет, 1996

Экономика и философия

НАЛОГОВО-БЮДЖЕТНАЯ ПОЛИТИКА В ПЕРЕХОДНОЙ ЭКОНОМИКЕ РОССИИ

Е. Д. КОРМИШКИН, кандидат экономических наук,
Л. А. КОРМИШКИНА, кандидат экономических наук

Положение в экономике России к исходу четырех лет радикальной экономической реформы остается трудным и противоречивым. Продолжается спад производства. Ежегодные темпы прироста цен в традиционном понимании все еще превышают уровень так называемой галопирующей инфляции. Это означает, что инфляционные процессы по-прежнему разъедают весь хозяйственный организм, так как инфляция приводит к выгодности вложений в финансовые спекуляции, а не в производство. Поэтому для решения главной задачи экономического развития России — подъема инвестиций, возобновления роста производства, улучшения условий жизни и работы граждан — необходима решительная борьба с инфляцией.

Эффективным средством стимулирования экономического развития в условиях стагфляции является налогово-бюджетная политика, которая предполагает использование возможностей правительства взимать налоги и расходовать средства государственного бюджета для регулирования уровня деловой активности и решения ряда социальных задач. Представление о «целительных» свойствах фискальных мероприятий правительства стало приобретать все более широкое признание с периода «великой депрессии» 30-х годов. В настоящее время в мировой практике хорошо известны эффективные способы стимулирова-

ния экономического роста с помощью налогов и государственных расходов.

К сожалению, приходится констатировать, что налогово-бюджетная политика в РФ в течение 1992 — 1994 гг. не стала эффективным инструментом государственного регулирования, характеризовалась разнообразными и противоречивыми тенденциями, отражавшими политическую конфронтацию в обществе.

Известно, что главные направления любой налоговой политики должны исходить не только из центральной функции налогов — пополнения государственной казны (*фискальная функция*). Ни в коей мере нельзя забывать о том, что налоги — важнейший экономический инструмент стимулирования и регулирования производства, обеспечения социальных гарантий (*стимулирующая функция*). Используя дифференциацию ставок и предоставление льгот, через систему перераспределения доходов с помощью налогов можно и необходимо обеспечивать обоснованную структурную перестройку производства.

Состояние российской экономики со всей очевидностью свидетельствует о том, что налоговая система РФ, несмотря на сильный налоговый пресс, вызванный как множественностью налогов (их более 40 видов), так и высокими ставками основных из них, не обеспечивает в полной мере потребности в средствах на финансирование

даже первоочередных расходов государства. Дефицит федерального бюджета, доходы которого формируются практически полностью именно за счет налогов, достиг критических размеров. И это несмотря на то, что он искусственно занижался Минфином РФ. Практиковалось прекращение выплат из бюджета значительной части средств предприятиям сельского хозяйства, оплаты продукции, произведенной оборонным комплексом по госзаказу, а также предусмотренных дотаций предприятиям добывающих отраслей. Все это не только искажает действительную картину весьма критического состояния финансов в нашей стране, но и отягощает перспективы на ближайшее будущее: предприятия и отрасли, не имея возможности получать заработанные ими деньги, вынуждены свертывать производство. В условиях растущего реального дефицита бюджета не хватает средств не только для финансирования первоочередных программ, связанных прежде всего со структурной перестройкой экономики и конверсией военной промышленности, но и для социальной защиты населения, значение которой резко усиливается в условиях перехода к рынку.

Не увенчалась успехом и предпринятая Минфином РФ попытка закрыть финансовую брешь с помощью политики жесткой привязки налоговой системы к финансово-хозяйственной деятельности предприятий с одновременным резким повышением налоговых ставок, усилением налогового бремени на товаропроизводителей. Стремясь не отступать от этой политики, Минфин на первых порах получил существенную добавку в доходной части бюджета. Но в дальнейшем он стал терять финансовые ресурсы из-за падения производства, во многом обусловливаемого именно жестким налоговым прессингом. Сужалась налогооблагаемая база, назревала необходимость затрат из бюджета для поддержания хотя бы минимального жизненного уровня населения.

Итак, налоговая политика РФ оказалась не в состоянии обеспечивать потребность государства в самом необходимом уровне доходов. Не выполняет она и другую свою важнейшую функцию — стимулирования производства и товаропроизводителей.

По разным оценкам, суммарные налоговые ставки составляют в России от 70 до 85 % от доходов предприятий. А ведь в экономической науке известно такое понятие, как предельный уровень налогообложения. Доказано, что налогоплательщиков можно достаточно болезненно изъять до 20 % совокупной суммы налогов. Расширенное воспроизводство еще в какой-то мере возможно при совокупных ставках налога до 25 %, но серьезной инфляции уже не избежать, так как подобная налоговая ставка ведет к ликвидации стимулов для предпринимательской инициативы и расширения производства. В итоге — уменьшение прибыли, а соответственно и налоговых поступлений в бюджет. Рост ставки свыше 32 % приводит к прекращению даже простого воспроизводства. Нельзя забывать и еще об одной важной «детали»: чем выше предельные ставки налогов, тем сильнее стремление налогоплательщиков «уйти» от них.

Результаты проводимой налоговой политики известны: непрекращающееся падение производства, полное отсутствие интереса предпринимателя не только к его расширению, но и вообще к тому, чтобы им заниматься. Происходит в совершенно неоправданных масштабах перелив капитала в сферу торговли и посредничества. Небывалых размеров достигло уклонение от уплаты налогов. По экспертным оценкам, только по операциям, отражаемым в бухгалтерском учете, от налогообложения «уходит» не менее 15 % всех охватываемых им средств [1, с. 19].

Таким образом, необходимы серьезные изменения в налоговой политике РФ. И прежде всего нужны экстренные меры по ликвидации сложившегося акцента на чисто фискальную функ-

цию налогов. Обоснованными представляются изменения (в частности, снижение ставок базовых налогов — налога на прибыль и НДС), которые стимулировали бы товаропроизводителя, побуждали его расширять производство, инвестировать.

Государственные расходы показывают направление и цели бюджетных ассигнований. По своей структуре расходные статьи бюджета подразделяются на расходы: а) по государственному управлению; б) на военные цели; в) на социально-экономические цели; г) на хозяйственную деятельность; д) по осуществлению внешнеэкономической деятельности. В современных условиях они наряду с налогами являются мощным рычагом государственного регулирования экономики, воздействия на хозяйственную конъюнктуру, а также осуществления антикризисных мероприятий.

Итогом, проводимой в РФ бюджетной политики явилось существенное сокращение реальных расходов на «народное хозяйство». Сам по себе этот процесс является индикатором качественного изменения российского бюджета, поскольку от слов о необходимости разделения финансов государства и предприятий государство перешло к делу и сокращает свое вмешательство в экономику через бюджет. Однако такое сокращение бюджетных расходов весьма неустойчиво, так как оно было достигнуто без существенных изменений в бюджетном процессе. Так, получили развитие квазибюджетные формы финансовой поддержки предприятий через предоставление отсрочек по налоговым платежам, выделение бюджетных ссуд, индивидуальные налоговые льготы (в основном по внешнеэкономической деятельности, хотя есть прецеденты и по внутренним налогам). В результате расширения таких операций и увеличения социальных расходов государство само в определенной мере иницирует развитие неплатежей и обрекает себя на недополучение налогов.

Кроме того, нельзя забывать и о том, что сокращение объема государ-

ственных капиталовложений — сложный процесс, требующий довольно продолжительного времени. Он должен осуществляться постепенно, параллельно с разгосударствлением экономики, ее демополизацией, развитием рыночной инфраструктуры. Здесь недопустимы одномоментные масштабные отмены тех или иных статей государственных расходов.

Стремясь обуздать инфляцию, но делая это слишком поспешно, без учета долгосрочных последствий резкого уменьшения централизованных капиталовложений, правительство перевело российскую экономику из фазы «инвестиционного перегрева» в состояние «инвестиционной стагфляции». Обострение кризиса в инвестиционной сфере имеет катастрофические последствия для всей экономики России, и сроки преодоления спада здесь гораздо более продолжительны, чем в сфере производства.

Такая ситуация требует принятия неординарных решений на разных уровнях государственной структурно-инвестиционной политики. В частности, на наш взгляд, государственные капиталовложения следует осуществлять *точечно-инъекционным* способом с учетом задач структурной перестройки, главными из которых являются: ресурсосбережение, сохранение технически передовых производств, поддержание режима конкурентоспособности в отраслях, использование для производства гражданской продукции высоких технологий ВПК, демополизация крупных предприятий.

Крайне сложной проблемой бюджетно-фискальной политики РФ остается *бюджетный федерализм*. Всем памятен кризис августа — сентября 1993 г., когда более трех десятков регионов приняли решение о неплатежах в федеральный бюджет. Такое поведение отчасти было спровоцировано отсутствием средств у Минфина России для выполнения обязательств по финансовой поддержке регионов, содержащихся в плановом бюджете 1993 г. Во избежание подобных ситуаций, ведущих к

появлению в расходной части федерального бюджета не запланированных ранее квазибюджетных операций (дотации, субвенции, взаимные расчеты и т. п.), необходима скорейшая реализация Указа Президента от 22 декабря 1993 г. № 2268 «О формировании республиканского бюджета Российской Федерации и взаимоотношениях с бюджетами субъектов Российской Федерации». Это позволит систематизировать оказание финансовой поддержки регионам, но вместе с тем потребует усиления контроля за бюджетным планированием, за обоснованностью расходов бюджетов территорий, обращающихся за помощью.

Таким образом, в сложившихся условиях бюджетно-фискальная политика может осуществляться только в форме дефицитного финансирования. Она должна быть умеренно жесткой, чтобы остановить дальнейшее падение производства. Вместе с тем это вовсе не означает, что бюджет можно рассматривать как орудие затыкания сиоминутных дыр, решения краткосрочных политических задач перед референдумом или выборами. До тех пор, пока подобная ситуация не будет преодолена или ограничена рамками резервных фондов, бюджет не сможет стать полноправным инструментом экономической политики.

* * *

И. Пансков В. Еще раз о назревших изменениях в российской налоговой политике //

Рос. экон. журн. 1994. № 3. С. 17 — 23.

СОВРЕМЕННЫЕ НАУЧНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О МАТЕРИАЛЬНОМ НОСИТЕЛЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Е. Н. ПЕСОЦКАЯ, аспирант

Проблема сознания является объектом изучения многих наук, как естественных, так и гуманитарных. Философия выполняет среди них особую роль. На основе систематизации и обобщения знаний она дает самые общие, универсальные представления о сознании: его сущности, содержании и происхождении, значении в жизни конкретного человека и общества. Эти вопросы связаны с проблемами существования мира, отношения человека к миру и самому себе и потому принадлежат к числу мировоззренческих.

Согласно современному диалектико-материалистическому пониманию, сознание есть свойство конкретного общественного человека отражать с помощью мозга окружающий материальный мир в форме идеальных об-

разов с целью его познания и преобразования [5, с. 20].

Структура индивидуального сознания включает в себя: 1) чувственное познание, 2) абстрактное мышление, 3) знания, 4) волю, внимание и память, 5) чувства, эмоции и переживания, 6) самосознание.

Являясь идеальным по форме существованием, сознание имеет свою материальную основу. Его структурным носителем («органом») выступает головной мозг человека (прежде всего — кора головного мозга), функциональным носителем — нейрофизиологические процессы, протекающие в головном мозгу, а источником — окружающий материальный мир [5].

Таковы исходные положения, ставшие «традиционными» и вошедшие в

вузовские учебники [2, с. 164 — 171; 3, с. 288 — 317]. Новейшие данные, полученные экспериментальным путем представителями естественных наук (физики, кибернетики, биологии, биофизики, биохимии, психиатрии, нейрофизиологии, психологии), помогают дополнить и углубить сложившиеся представления.

Особый интерес представляют новые сведения о строении головного мозга, которые в анатомическом и функциональном плане представлены в работах А. М. Волкова, Ю. В. Микадзе, Г. Н. Солнцева [4, с. 183] и др. Они позволяют выделить три структурно-функциональных блока мозга (см. схему).

Работа первого блока связана с поддержанием оптимального уровня бодрствования и тонуса, а следовательно, и работоспособности. Без этого невозможно полноценное протекание других психических процессов, характеризующихся готовностью человека к осуществлению разных форм деятельности.

Регуляцию тонуса коры осуществляет нейронная структура — ретикулярная формация. Она состоит из двух систем: восходящей, идущей к новой коре, и нисходящей, берущей начало в новой коре и заканчивающейся в нижележащих образованиях мозга. В функционировании первого блока участвуют также нейронные структуры ствола мозга, образований промежуточного мозга и медленных отделов коры больших полушарий.

Структуры второго блока обеспечивают получение и переработку значимой информации (анализ, синтез, отвлеченное мышление), а также ее хранение. Мозговые структуры, входящие во второй блок, обладают системно-иерархической организацией. Первый его уровень образуют первичные проекционные зоны коры мозга, приспособленные для приема зрительных, слуховых и других общечувствительных возбуждений. Вторичные, третичные зоны коры настраиваются над первичными, и их функцио-

нальная специфика позволяет адекватно отражать целостный образ раздражителя. Третичные зоны второго блока обеспечивают совместную работу анализаторных систем, и их основной функцией является обеспечение восприятия обобщенного, синтетического характера. На основе их работы происходит перевод наглядных форм отражения на уровень символических процессов, абстрактного мышления. Анатомическая основа данного функционального блока — области новой коры мозга: постцентральная, теменная, затылочная и височная области.

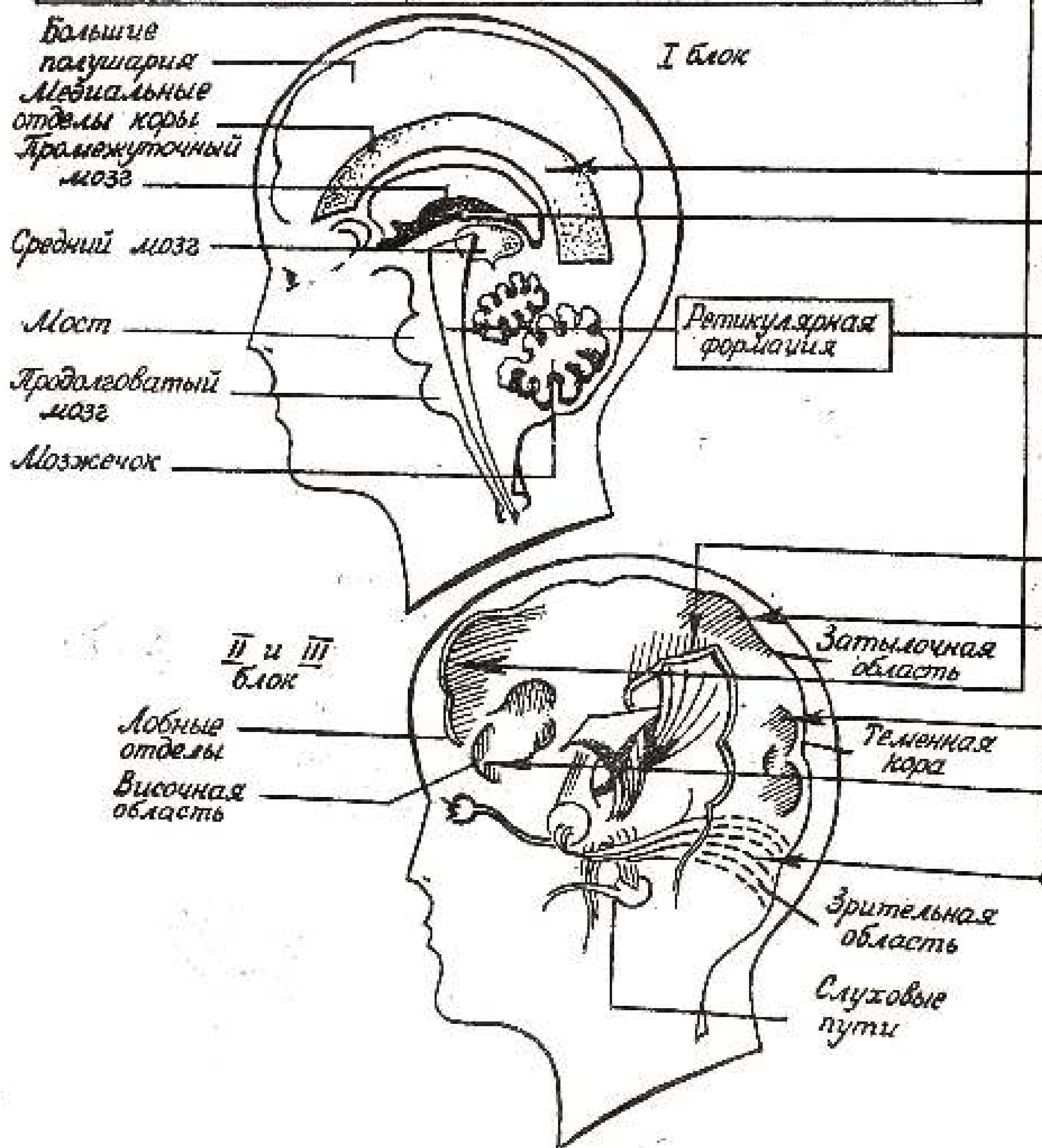
Третий функциональный блок выступает в качестве инструмента, с помощью которого осуществляются формирование планов и программ сознательной деятельности, а также контроль за совпадением результата действия с исходным намерением. Этот блок также иерархически организован.

Его структуры расположены в лобных отделах мозга. Об их универсальной роли в общей регуляции поведения и деятельности свидетельствуют связи со всеми зонами и настроенность над всеми отделами коры.

Дополняют картину структурно-функциональной организации мозга результаты исследований Н. П. Бехтеревой [1]. Ею выделены жесткие и гибкие звенья в структуре мозга. Системные связи этих звеньев, стабильные и переменные потенциалы физиологической активности и функциональная универсальность помогают лучше понять сущность процесса интеллектуального творчества. Открытие Н. П. Бехтеревой мозгового кода таких психических явлений, как память, внимание, мышление, эмоции и воля, позволяет углубить представления о механизме мотивации деятельности.

Принципиально важным, на наш взгляд, является признание того факта, что «мыслит не мозг сам по себе, а человек при помощи мозга» [2, с. 162]. Содержание мышления определяется предметной деятельностью конкретного человека, живущего в

<u>I</u> блок	Регуляция тонуса и бодрствования
<u>II</u> блок	Анализ и синтез. Получение и хранение информации, абстрагирование, синхронизация процессов работы систем целостного восприятия объективной реальности
<u>III</u> блок	Регуляция поведения и сложных форм деятельности индивида, контроль за результатами действий

Схема

определенных социально-экономических и культурных условиях того или иного общества [2]. Поэтому вопрос о «материальном носителе» можно поставить в более широком плане, относительно процесса социальной деятельности индивида.

На основе проведенного нами исследования выявлена и рассмотрена совокупность свойств природного организма человека, благодаря которым он приобретает физическую способность для осуществления деятельности и проявления разных уровней социальной активности. Эти свойства объективно сгруппированы в девять системных блоков: 1) предметно-вещественный характер биологического организма человека (белково-нуклеиновая основа, клеточная структура, особое физическое строение организма и его определенные размеры); 2) функционирование биологических процессов в организме (обмен веществом, энергией и информацией, гомеостатическое равновесие, адаптация, биоритмы); 3) жизненная сила биологического организма человека (биологическая энергия, физическая сила и выносливость); 4) индивидуальный тип высшей нервной деятельности (сила, подвижность и уравновешенность нервных процессов); 5) индивидуальные особенности генотипа и фенотипа в целом (наследственные задатки и приобретенные свойства); 6) высокоорганизованный головной мозг и три его

структурно-функциональных блока; 7) функционирование нейрофизиологических процессов в мозгу; 8) нервно-регулятивная подсистема (низшая нервная система), обеспечивающая автоматическую внутреннюю регуляцию вегетативных и двигательных функций целостного организма (безусловные рефлексы и инстинкты); 9) подсистема личностного самоуправления поведением и деятельностью, обеспечивающая сознательную связь личностных свойств (ценностно-мировоззренческих установок, мотивов, целей и планов) с индивидуальной волей и нервно-регулятивными процессами, а через них — с организмом в целом (социальное детерминирование, опережающее прогнозирование, волевая мобилизация и контролирование).

Методологической основой для изучения организма человека как природно-биологического носителя социальной активности явились: системный подход, учет специфики целостных социально-биологических систем, признание единства биологического и социального в человеке (при интегративном доминировании последнего). Здесь использованы и социально-философски обобщены исследования выдающихся отечественных ученых: И. И. Мечникова, Л. С. Выготского, Б. М. Теплова, Н. А. Бернштейна, А. Р. Лурия, А. И. Леонтьева, Н. П. Бехтеревой и др.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бехтерева Н. П. Пер. азрера.: Жизнь. Наука о мозге человека. Жизнь / АН СССР. Л.: Наука, 1990. 144 с.

2. Большаков А. В., Грехнев В. С., Добрынина В. И. Основы философских знаний. М.: О-во «Знание» России, 1994. 256 с.

3. Введение в философию: Учеб. для вузов: В 2 ч. / И. Т. Фролов, Э. А. Араб Оглы,

Г. С. Арефьева и др. М.: Политиздат, 1989. Ч. 2. 639 с.

4. Волков А. М., Микадзе Ю. В., Солнцев Г. И. Деятельность: структура, регуляция. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. 215 с.

5. Фролов Д. Е. Программа по курсу философии с кратким изложением ключевых понятий и положений / Мордов. ун-т. Саранск, 1990. 46 с.

К ПРОБЛЕМЕ ВАЛЕНТНОСТИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

М. В. АНИКИНА, аспирант

Слова в конкретном речевом акте соединяются с определенными партнерами и не употребляются изолированно. Их сочетательные потенции в конкретном окружении не случайны и не полностью произвольны: они подчиняются особым закономерностям.

Основные закономерности сочетания одной единицы языка с другой объединяются понятием валентности. М. Д. Степанова и Г. Хельбиг определяют валентность как необходимое или возможное контекстуальное окружение слова, как контекстуальную сочетаемость семантических или синтаксических партнеров в предложении [1, с. 138].

Понятие валентности сравнительно новое — его ввел в 50-е годы французский лингвист Л. Геймер. В конце 60-х годов была разработана модель валентности, которая распространялась только на глагол. В 70-е годы выяснилось, что ее можно применить и к другим частям речи. Валентность можно определять следующим образом: это способность слова создавать вокруг себя открытые позиции, которые должны быть заполнены obligatorно или fakultativно актантами, репрезентированными определенными частями речи в соответствующих падежах.

Актанты — это члены, заполняющие открытые позиции. Различают obligatorные и fakultativные актанты. Первые не допускают опущения в высказывании, вторые могут быть элиминированы при определенных условиях. И те и другие относятся к валентно-связанным членам. Валентно-несвязанные члены называют свободными распространителями (Хельбиг).

Они количественно не ограничены и потому в каждом высказывании могут свободно опускаться или добавляться.

Чтобы адекватно описать роль актантов в предложении, недостаточно знать их число, т. е. валентность в узком смысле. Необходимо учитывать их вид (синтаксический или семантический), т. е. дистрибуцию.

В современной лингвистике различают три уровня валентности: логическую, семантическую и синтаксическую. Логическая валентность имеет внеязыковой и универсальный характер и представляет собой отражение отношений между внеязыковыми явлениями.

Семантическая валентность отражает тот факт, что слова требуют определенных контекстных партнеров с определенными семантическими признаками и исключают других контекстных партнеров с иными семантическими признаками. Например, глаголы говорения и мышления предусматривают в качестве субъектов людей; глаголы зрительного восприятия в качестве объектов — конкретные предметы. Высказывание *Peter stirbt manchmal* невозможно, так как обстоятельство содержит признак частотности, что противоречит семантическим характеристикам глагола, и потому с ним несовместимо.

Синтаксическая валентность регулирует заполнение имеющихся логико-семантических открытых позиций obligatorными или fakultativными актантами и их синтаксико-морфологическую репрезентацию частями речи в определенных падежах. Логико-семантическая валентность лишь предопределяет синтаксическую, но никак

образом не устанавливает и не определяет ее окончательно [1, с. 155 — 156].

Это основные понятия и положения, на которые опираются современные исследования проблем валентности. Вопросы валентности нашли отражение в работах отечественных германистов — С. Д. Кацнельсона, В. Г. Адмони, М. Д. Степановой, Т. П. Ломтева, Б. М. Лейкиной и зарубежных — Х. Бринкмана, И. Эрбена, Г. Хельбига, Х. И. Херингера, В. Бондио, К. Хегера, В. Шенкеля, К.-Э. Зоммерфельдта, Г. Шрайбера. Наиболее полно исследованы валентностные отношения глаголов. По сравнению с ними вопросы валентности существительных разработаны недостаточно.

Имеется единственный словарь валентности существительных К.-Э. Зоммерфельдта и Г. Шрайбера, анализирующий отглагольные и отадъективные образования. Однако он дает мало информации о характере синтагматических связей и их вариаций в современном немецком языке. Словарь неполон с точки зрения охвата языкового материала. В текстах, представляющих различные функциональные стили, часто встречаются существительные, не зафиксированные этим словарем. Поэтому он должен быть дополнен списком существительных, обнаруживающих регулярные валентностные отношения.

В этой связи особый интерес представляют существительные, употребляющиеся с предлогами, так как в современной научной литературе широко представлены предпозициональные определения. Не используя глагол, а присоединяя такие группы друг к другу, можно передать максимум нового в одном высказывании, что экономит место и делает текст необычайно емким и информативным.

Среди существительных с предлогом выделяются:

1) группа, в которой валентность глагола и соответствующего существительного совпадает:

berichten über — der Bericht über,

bitten um — die Bille um,
beitragen zu — der Beitrag zu,
verzichten auf — der Verzicht auf,
zweifeln an — der Zweifel an;

2) группа, в которой валентность глагола и существительного расходится:

jm absagen — die Absage an A,
etw ersparen — die Ersparnis an D,
etw garantieren — die Garantie für A,
jm vertrauen — das Vertrauen zu D,
jm danken — der Dank an A,
etw produzieren — die Produktion an D.

В данной группе особо можно выделить существительные, у которых предлог повторяет приставку существительного:

zuordnen D — die Zuordnung zu D,
zustimmen D — die Zustimmung zu D,

sich annähern D — die Annäherung an D;

3) группа, в которой наблюдается употребление одного и того же существительного с разными предлогами. Так, например, существительное die Diskussion функционирует с предлогами über, um, zu.

Ср.: Die heftigen Diskussionen über das Maastrichter Vertragswerk haben die Sorge vieler Europäer vor einem Verlust ihrer nationalen Identität erkennen lassen.

In der Diskussion um die Vollendung des Binnenmarktes spielt die soziale Dimension eine große Rolle.

In der Diskussion zu den Entwürfen der Fremdsprachenlehrpläne wird häufig die Frage aufgeworfen ...

Необходимо объяснить причину данного явления: связано это с синонимией или с разграничением смысла.

Изучение практических вопросов валентности преследует определенные методические цели, а именно: сведение до минимума отрицательного влияния межъязыковой интерференции. Поэтому необходимо заострить внимание на существительных (как отглагольных, так и неотглагольных), при употреблении которых происходит интерференция, в частности при переводе с

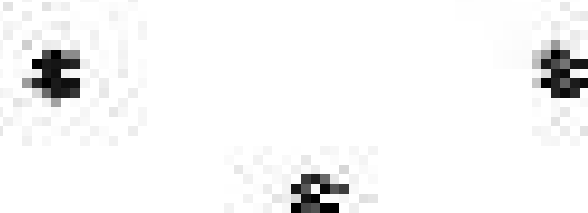
русского языка на немецкий. Например, в русском языке *содержание чего-либо*, в немецком — *das Gehalt an D*; в русском — *исключение из*, в немецком — *die Ausnahme von D*. Составления требуют также некоторые слова-интернационализмы: в русском языке *альтернатива чему-либо*, в немецком — *die Alternative zu D*.

Валентность существительных труднее поддается описанию, чем глаголов и прилагательных, потому что вопрос о соотношении синтаксической и логико-семантической валентности становится для существительного центральной проблемой [1, с. 208].

Особенностью валентности отглагольных и отаггективных существительных является то, что они, как правило, не имеют обязательных актантов на синтаксическом уровне. Валентность таких существительных на 90 % факультативна. Это верно с точки зрения языка (парадигматики). Но когда речь заходит о синтагматике, о рече-

вом употреблении существительных, то картина меняется. Имеется ряд существительных, которые входят в синтагматические отношения с другими существительными только через предлог. Например, *der Mord an D*; *Der Völkermord an den Juden ist beispiellos in der Geschichte*. Обязательное употребление предлога при существительном вызвано необходимостью выражения определенных логико-семантических отношений, конкретизации значения в речевой цепочке. К тому же предложная связь — это один из способов вхождения в связь с другим существительным. Данный способ связи еще не в полной мере получил научное объяснение и мог бы также стать предметом исследования.

Все вышеизложенное можно рассматривать как разнообразные подходы к теоретическим и практическим вопросам освещения проблемы валентности существительных в современном немецком языке.

1. Степанова М. Д., Хельбинг Г. Части речи и проблема валентности в современном не-

мецком языке. М.: Высш. шк., 1978. 259 с.

К ИСТОРИИ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ В РАЗНОСТИЛЬНЫХ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКАХ ДРЕВНЕРУССКОГО И СТАРОРУССКОГО ЯЗЫКОВ XI — XVII вв. (ВЕРОЯТНОСТНО-СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Е. С. МОРОЗОВА, аспирант

Вопросы изучения истории глагольных форм прошедшего времени освещаются в ряде работ отечественных лингвистов старшего поколения [6; 9; 11; 12]. В последние десятилетия интерес к этой теме возрастает, появляются новые публикации, в научный оборот вводятся новые источники и методы исследования [2; 3; 4; 5; 10].

В предлагаемой статье приводятся

результаты количественного анализа свыше 22 000 глагольных форм прошедшего времени, извлеченных из 65 разностильных памятников древнерусского и старорусского языков XI — XVII вв. Для изучения использованы письменные тексты, представляющие следующие стили литературного языка: летописно-хроникальный («Новгородская первая

летопись старшего и младшего изводов», «Московский летописный свод конца XV в.», «Владимирский летописец» и т. д.); житийный («Житие Феодосия Печерского», «Житие Сергия Радонежского», «Житие Макария Желтоводского» и т. д.); литературно-художественный («Слово о полку Игореве», «Задолщина», «Повесть о победах Московского государства» и т. д.); документально-деловой (грамоты Великого Новгорода и Пскова, духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV — XVI вв., Соборное уложение 1649 г. и т. д.).

В задачи исследования столь обширного фактического материала входит: 1) установить, какие из древнерусских и старорусских претеритарных форм (аорист, имперфект, перфект, плюсквамперфект) являлись преобладающими в каждом из указанных стилей литературного языка на протяжении определенного столетия; 2) изучить динамику изменений в соотношении этих форм с учетом стилиевых особенностей текстов.

Для большей достоверности получаемых результатов применен вероятностно-статистический метод обработки фактического материала [1; 8]. Из анализируемых разностильных текстов каждого из шести столетий сделаны выборки (n), длиной в 1 000 претеритарных форм, за исключением документально-деловых памятников XI—XII и XIII вв. Дошедшие до нас тексты указанных периодов столь малочисленны, что нам удалось сделать из них лишь короткие выборки, длиной соответственно в 103 и 135 фактов. Претеритарные формы за XI—XII вв. объединены в одну выборку по каждому стилю также из-за недостатка материала. В выборках подсчитано количество форм аориста, имперфекта, перфекта и плюсквамперфекта, т. е. определены их частоты (m). Установлены выборочные вероятности всех претеритарных форм по формуле $p = m : n$, и проведено их сравнение с учетом максимальных статистических ошибок, вычисленных по формуле

$$\sqrt{p} = 2\sqrt{p(1-p)} : n$$
. Данный метод позволяет делать выводы, имеющие 95 % достоверность, которая признается в теории вероятностей вполне достаточной.

В качестве образца количественного анализа фактического материала приведем анализ выборки из памятников житийного стиля XIV в. Вначале дадим несколько примеров простых и сложных претеритов, отмеченных в данной выборке (все примеры взяты из одного источника — [7]).

Формы аориста: «...ни Платоновых, ни Аристотелевых бесед не стяжах, ни философия, ни хитроречия не нааыхкох...» (с. 161); «И изучися сам языку пермьскому, и грамоту нову пермьскую сложи, и азбуки незнаемы счищ...» (с. 165).

Формы имперфекта: «Прежде бо всех вхожаше в церковь на молитву и после всех излазаше (с. 164); «...но обаче благими словесы его и святыми ученьи на кротость прелагахуся и втиху устраяхуся...» (с. 169).

Формы перфекта: «Коль много лет мнози философи еллинстии собирали и составлявали грамоту греческую, и едва уставиши мнози труды...» (с. 186); «Люди пермския посетил еси и святым крещением просветил еси» (с. 192).

Формы плюсквамперфекта: «Бе бо възбрания преподобный, учеником своим... не повеле отнюдь взяти что от кумирниц...» (с. 173); «Послали бо его бяху пермяне на Москву...» (с. 184).

Из 1 000 содержащихся в данной выборке глаголов прошедшего времени 591 употреблен в форме аориста, 305 — имперфекта, 87 — перфекта, 17 — плюсквамперфекта. Поэтому вероятность употребления форм аориста составляет $0,591 \pm 0,031$; имперфекта — $0,305 \pm 0,029$; перфекта — $0,087 \pm 0,018$; плюсквамперфекта — $0,017 \pm 0,008$. Так как вероятность употребления форм аориста больше, чем всех остальных, вместе взятых, то можно сделать достоверный вывод о том, что в житийном стиле XIV в. среди претеритарных форм преобладал аорист.

Аналогичным образом проведен вероятностно-статистический анализ каждого из четырех вышепозначенных стилей древнерусского и старорусского

языков по каждому из веков. Результаты количественного анализа всего изученного материала обобщены в таблице.

Т а б л и ц а

Век	Стиль	Длина выбор- ки	Аорист	Имперфект	Перфект	Плюсquam- перфект
1	2	3	4	5	6	7
XI—XII	Летописно-хроникальный	1000	$\frac{916}{0,916 \pm 0,018}$	$\frac{59}{0,059 \pm 0,015}$	$\frac{10}{0,010 \pm 0,006}$	$\frac{15}{0,015 \pm 0,008}$
	Житийный	1000	$\frac{597}{0,597 \pm 0,031}$	$\frac{376}{0,376 \pm 0,031}$	$\frac{10}{0,010 \pm 0,006}$	$\frac{17}{0,017 \pm 0,008}$
	Литературно-художественный	1000	$\frac{773}{0,773 \pm 0,026}$	$\frac{99}{0,099 \pm 0,018}$	$\frac{112}{0,112 \pm 0,020}$	$\frac{16}{0,016 \pm 0,008}$
	Документально-деловой	103	$\frac{22}{0,214 \pm 0,081}$	$\frac{1}{0,010 \pm 0,020}$	$\frac{78}{0,757 \pm 0,085}$	$\frac{2}{0,019 \pm 0,027}$
XIII	Летописно-хроникальный	1000	$\frac{919}{0,919 \pm 0,017}$	$\frac{43}{0,043 \pm 0,013}$	$\frac{28}{0,028 \pm 0,010}$	$\frac{10}{0,010 \pm 0,006}$
	Житийный	1000	$\frac{767}{0,767 \pm 0,026}$	$\frac{205}{0,205 \pm 0,026}$	$\frac{26}{0,026 \pm 0,010}$	$\frac{2}{0,002 \pm 0,003}$
	Литературно-художественный	1000	$\frac{825}{0,825 \pm 0,024}$	$\frac{106}{0,106 \pm 0,019}$	$\frac{37}{0,037 \pm 0,012}$	$\frac{32}{0,032 \pm 0,011}$
	Документально-деловой	135	$\frac{20}{0,148 \pm 0,062}$	$\frac{0}{0}$	$\frac{111}{0,822 \pm 0,066}$	$\frac{4}{0,030 \pm 0,029}$
XIV	Летописно-хроникальный	1000	$\frac{886}{0,886 \pm 0,020}$	$\frac{33}{0,033 \pm 0,011}$	$\frac{60}{0,060 \pm 0,015}$	$\frac{21}{0,021 \pm 0,009}$
	Житийный	1000	$\frac{591}{0,591 \pm 0,031}$	$\frac{305}{0,305 \pm 0,029}$	$\frac{87}{0,087 \pm 0,018}$	$\frac{17}{0,017 \pm 0,008}$
	Литературно-художественный	1000	$\frac{807}{0,807 \pm 0,025}$	$\frac{65}{0,065 \pm 0,016}$	$\frac{122}{0,122 \pm 0,021}$	$\frac{6}{0,006 \pm 0,005}$
	Документально-деловой	1000	$\frac{45}{0,045 \pm 0,013}$	$\frac{2}{0,002 \pm 0,003}$	$\frac{947}{0,947 \pm 0,014}$	$\frac{6}{0,006 \pm 0,005}$
XV	Летописно-хроникальный	1000	$\frac{687}{0,687 \pm 0,029}$	$\frac{49}{0,049 \pm 0,014}$	$\frac{259}{0,259 \pm 0,028}$	$\frac{5}{0,005 \pm 0,004}$
	Житийный	1000	$\frac{575}{0,575 \pm 0,031}$	$\frac{379}{0,379 \pm 0,031}$	$\frac{42}{0,042 \pm 0,013}$	$\frac{4}{0,004 \pm 0,004}$
	Литературно-художественный	1000	$\frac{692}{0,692 \pm 0,029}$	$\frac{196}{0,196 \pm 0,025}$	$\frac{111}{0,111 \pm 0,020}$	$\frac{1}{0,001 \pm 0,002}$
	Документально-деловой	1000	$\frac{0}{0}$	$\frac{0}{0}$	$\frac{1000}{1000}$	$\frac{0}{0}$
XVI	Летописно-хроникальный	1000	$\frac{282}{0,282 \pm 0,028}$	$\frac{4}{0,004 \pm 0,004}$	$\frac{712}{0,712 \pm 0,029}$	$\frac{2}{0,002 \pm 0,003}$
	Житийный	1000	$\frac{782}{0,782 \pm 0,026}$	$\frac{203}{0,203 \pm 0,025}$	$\frac{14}{0,014 \pm 0,007}$	$\frac{1}{0,001 \pm 0,002}$
	Литературно-художественный	1000	$\frac{597}{0,597 \pm 0,031}$	$\frac{358}{0,358 \pm 0,030}$	$\frac{44}{0,044 \pm 0,013}$	$\frac{1}{0,001 \pm 0,002}$
	Документально-деловой	1000	$\frac{0}{0}$	$\frac{0}{0}$	$\frac{1000}{1000}$	$\frac{0}{0}$
XVII	Летописно-хроникальный	1000	$\frac{178}{0,178 \pm 0,024}$	$\frac{9}{0,009 \pm 0,006}$	$\frac{813}{0,813 \pm 0,025}$	$\frac{0}{0}$
	Житийный	1000	$\frac{628}{0,628 \pm 0,030}$	$\frac{363}{0,363 \pm 0,030}$	$\frac{9}{0,009 \pm 0,006}$	$\frac{0}{0}$
	Литературно-художественный	1000	$\frac{660}{0,660 \pm 0,030}$	$\frac{124}{0,124 \pm 0,021}$	$\frac{216}{0,216 \pm 0,026}$	$\frac{0}{0}$

1	2	3	4	5	6	7
Документально-деловой	1000	6	0	992	2	
		$0,006 \pm 0,005$		$0,992 \pm 0,006$	$0,002 \pm 0,003$	

Примечание. В числителе — количество претеритов в выборке, в знаменателе — вероятность их употребления.

Как видно из приведенной таблицы, в летописно-хроникальном стиле на протяжении XI—XII, XIII, XIV, XV вв. среди претеритарных форм преобладает аорист, а начиная с XVI столетия господствующей формой становится перфект. С XVI века отмечено и резкое сокращение употребления форм имперфекта (до 0,04—0,09%) и плюсквамперфекта (0,02—0%).

В житийном стиле в течение всего изученного периода наблюдается преобладание форм аориста. Употребление перфекта по векам колеблется, но ни роста, ни снижения его к XVII в. констатировать нельзя. Памятники житийного стиля отличаются также довольно высоким по сравнению с другими стилями содержанием форм имперфекта (от 20,3 до 37,9 %), которое удерживается на стабильном уровне в течение шести столетий. Формы плюсквамперфекта к XVI в. практически исчезают и из этого стиля.

В литературно-художественном стиле наблюдается довольно большой раз-

брос показателей по изучаемым периодам. Господствующей претеритарной формой в каждом столетии является аорист. Употребление имперфекта варьирует от 6,5 до 35,8 %, перфекта — от 3,7 до 21,6 %, причем резкое возрастание числа перфектных форм отмечено в XVII в. Формы плюсквамперфекта практически перестают употребляться начиная с XV в.

В документально-деловом стиле на протяжении всех шести столетий преобладают формы перфекта, причем в XV—XVII вв. доля этих претеритарных форм составляет уже 90—100 %. Число форм аориста, напротив, неуклонно снижается и к XV в. практически сводится к нулю. Во всех столетиях почти полностью отсутствует форма имперфекта, а с XV в. исчезает форма плюсквамперфекта.

Таковы результаты вероятностно-статистического анализа рассмотренных разнотипных письменных памятников древнерусского и старорусского языков XI—XVII вв.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Головин Б. И. Язык и статистика. М.: Просвещение, 1971. 190 с.
2. Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. М.: Высш. шк., 1981. 359 с.
3. Жульева В. А. Из истории глагольных форм прошедшего времени (На материале «Пискаревского летописца») // Проблемы обучения иностранным языкам. Владимир, 1973. Т. 8. С. 326—334.
4. Киржанова В. П. Глагольная лексика со значением прошедшего действия в Латушской степенной книге // Семантика слова в истории русского и древнерусского языка. Горький, 1989. С. 49—57.
5. Лопушанская С. П. Основные тенденции эволюции простых претеритов в древнерусском книжном языке. Казань, 1975. 342 с.
6. Обнорский С. П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 197 с.
7. Повесть о Стефане, епископе Пермском // Древнерусские предания (XI—XVI вв.). М., 1982. С. 161—194.
8. Русинов Н. Д. Математические методы лингвистики и преподавание вузовских дисциплин цикла «Русское языкознание» // Спорные вопросы русского языкознания. Теория и практика. Л., 1983. С. 35—36.
9. Соколова М. А. Очерки по исторической грамматике русского языка. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. 312 с.
10. Чернов В. А. Русский глагол в XVII в. Свердловск, 1984. 87 с.
11. Черных П. Я. Историческая грамматика русского языка. Краткий очерк. М.: Учпедгиз, 1952. 312 с.
12. Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М.: Учпедгиз, 1953. 368 с.

«МОРДОВСКАЯ СВАДЬБА» М. Е. ЕВСЕВЬЕВА: СТРУКТУРА, ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ, ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ

В. И. РОГАЧЕВ, кандидат филологических наук

В творческом наследии М. Е. Евсевьева «Мордовская свадьба» является итогом не только всей его дооктябрьской деятельности, но и вершиным достижением мордовской литературы этого периода в целом.

К собиранию свадебной поэзии, ее изучению и обработке М. Е. Евсевьев приступил в конце 80-х годов XIX в. В письме А. А. Шахматову он сообщал: «Более всего я интересуюсь свадебными причитаниями мордвы — в них во всей полноте отражается жизнь мордвина и сохраняются многие черты древнего быта» [4, с. 460].

Предварительным итогом литературной обработки свадебной поэзии стало издание ее материалов в журнале «Живая старина» в 1892 — 1893 гг. М. Е. Евсевьев отмечал, что «собранные им свадебные причитания не полны и составляют лишь осколок цельной мордовской свадьбы» [4, с. 461]. На протяжении длительного времени он продолжал собирать и редактировать записанные материалы. Окончательным вариантом почти сорокалетнего труда стала книга под названием «Мордовская свадьба» (1931), состоящая из шести глав, включающих более трех с половиной тысяч стихотворных строк.

В научной литературе вплоть до настоящего времени имеются значительные разночтения в определении жанра «Мордовской свадьбы». Одни литературоведы утверждают, что это «большой научный труд», «исследование», «произведение словесного искусства» [4, с. 29], другие считают «очерком» [3, с. 6], «специфическим образцом мордовской народной драмы» [9, с. 13], «первым драматургическим произведением мордовской книжной словесности, с которого начинается

развитие мордовской драмы как рода литературы» [1, с. 55].

Анализ «Мордовской свадьбы» дает возможность утверждать, что это произведение по жанру действительно близко драме, хотя сам М. Е. Евсевьев называет ее «описанием» [4, с. 7].

Характерной особенностью «Мордовской свадьбы» как драмы и как организованного свода свадебной поэзии является драматургическая форма изложения, деление всего свадебного цикла на самостоятельные части, представляющие типичные драматические акты. М. Е. Евсевьев, не нарушая хронологического порядка народного спектакля, подразделяет его на своеобразные главы-акты: «Надямо» («Сватовство»), «Свадьбас анокстало» («Приготовление к свадьбе»), «Свадьбась церань кудосо» («Свадьба в доме жениха»), «Свадьбась тейтерень кудосо» («Свадьба в доме невесты»), «Кудань валгома» («Приезд свадебного поезда к невесте»), «Свадьбась церань кудосо венчамо до мейлс» («Свадьба в доме жениха после венчания»).

Отличительными признаками «Мордовской свадьбы» являются наличие в ней обширных примечаний и комментариев. По словам К. Т. Самородова, «...в них автор рассматривает роль каждого действующего лица со стороны жениха и невесты», эти примечания «представляют собой историко-этнографический комментарий» [8, с. 14], потому что «памятник искусства не обладает в полной мере способностью к самораскрытию, особенно памятник искусства прошлого или инонациональной культуры» [6, с. 208]. М. Е. Евсевьев в своих комментариях к «Мордовской свадьбе» раскрывает

национальные особенности обряда, подробно рассказывает о роли действующих лиц, родственных и брачных отношениях мордвы, юридическом положении женщины в мордовской семье и т. д. Комментарии содержат немало других сведений, без которых читателю, не знакомому со свадебным обрядом и поэзией, сложно воспринимать их содержание и национальное своеобразие. Иначе говоря, примечания и комментарии — своего рода «толковый словарь», помогающий понять сложное национально-самобытное произведение. Наряду с этой ролью они выполняют функции «дирижирования», «управления» ходом свадебного обряда, и поэтому все шесть актов «Мордовской свадьбы» предстают как «части целого драматургического произведения со сложным драматургическим действием, сопровождаемым особым церемониалом, в котором в один художественный узел соединены диалог и монолог, действие и размышление, ярко очерченные характеры персонажей и типичные явления народной жизни» [12, с. 5].

Одной из структурно-композиционных особенностей «Мордовской свадьбы» стало ее построение на многовариантной основе свадебных песен, причитаний и других форм художественного словесного оформления свадьбы как обряда. Наполнение окончательного варианта наиболее распространенными разновидностями свадебной поэзии, собранными в 38 эрзянских и в 7 мокшанских селениях, позволило автору дать своего рода эстетическую и художественную основу типических явлений народной жизни.

М. Е. Евсеев смог придать свадебному обряду сходство с формой литературной драмы, усиливая идейную и эмоциональную сущность произведения за счет глубоко продуманного подбора насыщенных типическим содержанием и наиболее ярких в художественном отношении вариантов свадебных песен, диалогов, причитаний, монологов, отобранных из множества их разновидностей и дающих наиболее

полное представление о свадьбе как о наиболее важном обряде в жизни.

В изложении М. Е. Евсеева зрелищная основа мордовской свадьбы как обрядового действия приобретает отчетливо выраженную литературно-художественную организацию этого ритуала как спектакля.

В «Мордовской свадьбе» отразилось влияние классической русской драмы. Еще В. Г. Белинский, рассматривая этот жанр, отмечал: «Действие драмы должно быть сосредоточено на одном интересе и быть чуждо побочных интересов» [2, с. 53]. Сосредоточенность действия на «одном интересе» — важный момент «Мордовской свадьбы» как драматургического произведения. Такой существенный признак, как записимость действия «от героя, а не от события» [2, с. 20], обнаруживается не в песнях и причитаниях, а в авторских пояснениях к каждой части. В них действующим лицам свадебного обряда как бы представляется возможность выбора тех или иных действий.

«Мордовская свадьба» — это свод свадебной поэзии, изложенной в форме поэтической народной драмы, в значительно измененной, переработанной книжной редакции М. Е. Евсеева. Работа над архивами, анализ его рукописного фонда (ед. хр. Л-47, Л-48, Л-52, Л-58, Л-59, Л-60, Л-61, Л-62, Л-63, Л-64, Л-96, Л-108) и других материалов, относящихся к «Мордовской свадьбе», сравнение и сопоставление их с окончательным вариантом позволяют утверждать это и говорить о колоссальной работе М. Е. Евсеева по организации, структурированию разнородных по составу, региональным и диалектным особенностям отдельных свадебных причитаний, корильных и величальных песен и сведения их в единое произведение с четкой сюжетной линией и стройной композицией.

Работа М. Е. Евсеева над «Мордовской свадьбой» по своему характеру сходна той, о которой писал составитель «Календаря» Э. Ленрот: «...ру-

ны составляют древнейшие литературные произведения финского языка; вследствие этого соединение рун в одно целое старательно обдумано... При соединении рун в эпопею некоторая полнота явилась неизбежною» (Разрядка наша. — В. Р.) [5, с. 605]. Иначе говоря, желание некоторых исследователей отнести «Мордовскую свадьбу» к «чисто» фольклорному явлению не выдерживает критики, ибо авторская концепция М. Е. Евсеева, «некоторая волюнтерность» при редакции, разносторонняя работа по воссозданию народного обряда и его реконструированию в драму налицо.

М. Е. Евсеев в соответствии со своими творческими замыслами тщательно подошел к отбору материала. Так, в произведение не включены причитания, нарушающие общий эмоциональный тон и ход свадебного обряда, в частности материалы, собранные в Чамлинке (здесь и ниже перевод наш. — В. Р.) [7, Л-96]:

Тиринем тирь авакай,
Кода шачинь, авакай,
Чуди ведень порасто,
Тиринем тирь авакай,
Кода шачинь, авакай
Кирты толонь порасто,
Каявлимик кирты толс.
Чуди ведесь чудивлимим,
Кирты толось кыртавлимим,
Каявлимик чуди ведсь.
Родимая моя матушка,
Когда родилась я, матушка,
Во время половодья,
Бросила бы ты меня
в быструю реку.
Родимая моя матушка,
Когда родилась я, матушка,
Во время жгучего огня.
Бросила бы ты меня в огонь.
Вещная вода залила бы меня,
Жгучий огонь ожег бы меня.

Этот фрагмент причитаний по своей тональности как бы «выпадал» из общего оптимистического настроения свадебного обряда и не попал в окончательный вариант. Поэтическое чутье

подказало М. Е. Евсееву, что необходимо учитывать прежде всего наиболее типические факты жизни.

Такая же участь постигла фрагмент свадебной поэзии, записанный М. Е. Евсеевым в с. Атяшело. По словам собирателя, этот плач был исполнен невестой, насильно выданной родителями замуж. Ниже мы приводим небольшой отрывок из этого причитания, выделяющийся своей экспрессивностью [10]:

Кабо истямо тынк шпамс церанк,
Котел потмакст сельмензэ,
Лишмень гриват черензэ,
Барабаншка сонзэ прызо,
Саразонь перне судозо,
Ябидпекень турванзо,
Убогсень пильгензэ,
Разбойникень кеденаз.
Ну и хваленый ваш парень!
Как динце котла глаза его,
Словно лошадиная грива волосы,
Как барабан его голова,
Словно у курицы нос его,
Как у ябедника у него губы,
Словно у убогого его ноги,
Как у разбойника его руки.

Реконструируя мордовскую свадьбу как народно-поэтическую драму, М. Е. Евсеев создал произведение, в котором многовековые эстетические и нравственные представления мордовского народа впервые получили оригинальное выражение в форме книжного варианта народной свадебной поэзии. Известный мордовский литературовед профессор Н. И. Черепкин сказал о «Мордовской свадьбе»: «Это полностью правомерно может быть отнесено к первым самостоятельным произведениям письменной литературы» [11, с. 14].

Роль М. Е. Евсеева в становлении и развитии национальной литературы значительна, и далеко не случайно финский ученый филолог П. Раппа в 1934 г. писал: «М. Е. Евсеев, умерший в мае 1931 года, мордвин по происхождению, может быть по праву назван мордовским Лесротом...» [13, с. 15].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алешкина С. А. Формирование дооктябрьского историко-литературного процесса и ранних форм мордовской книжной словесности // Аспект-1990: Исследования по мордовской литературе. Саранск. 1991. С. 3 — 61.
2. Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 5. 864 с.
3. Горбунов В. В. Признание. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1984. 152 с.
4. Евсеев М. Е. Избр. тр.: В 5 т. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1966. Т. 5. 552 с.
5. Ленрот Э. Калевала; финская народная эпика. СПб., 1888. 616 с.
6. Лихачев Д. С. Земля родная. М.: Просвещение, 1983. 286 с.
7. Рукописный фонд МНИИЯЛИЭ, ед. хр. Л-63, Л-96.
8. Самородов К. Т. Предисловие // Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 6. Ч. 2. Мошпанская свадебная поэзия. Саранск, 1975. С. 5 — 41.
9. Тиягаева Л. А. Формирование дооктябрьской мордовской литературы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 1983. 22 с.
10. ЦГА Республики Мордовия, ф. 267, л. 51, л. 28.
11. Черепкин Н. И. Введение // Проблемы современной мордовской литературы. Саранск, 1980. С. 3 — 26.
12. Чернов Е. И. Годы и конфликты. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1981. 181 с.
13. Kavila P. Ein mordwinisches Wörterbuch. M. J. Jevsejjev: Эзянь-рузонь вялк. Мордовско-русский словарь (Mordwinisch-russisches Wörterbuch). Moskau, 1931. 226 p. // Finnisch-ugrische Forschungen Helsinki, 1934. S. 15 — 16 (Druckerei — A. G. Der Finnischen Literaturgesellschaft. Bd. XXII, H. 1 — 3).

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД КАК ОСНОВНОЙ МЕТОД ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ

В. В. ФЕОКТИСТОВА, ассистент

Терминология как объект лингвистического исследования в последнее время приобрела особое значение. Появился целый ряд новых наук, не известных миру еще полстолетия назад, таких, как теория систем, теория информации и многие другие. Это имеет важное методологическое значение и для давно сложившихся наук, так как сам их предмет усложняется по мере быстрого роста объема информации в различных областях человеческого знания.

В лингвистических изысканиях все еще недостаточно уделяется внимания терминологиям наук. Мало научно обоснованных их описаний с системных позиций, позволяющих представить их как целостные (системно-структурные) единства, и не только в статике, но и в динамике, как функционирующее целое [5, с. 56]. Нет исследований, направленных на выявление общих структурно-семантических и системно-функциональных закономерностей, характеризующих процес-

сы образования и функционирования терминосистем, а также тенденции их развития.

Базисные термины занимают ключевые позиции — на различных основаниях (языковых и неязыковых) они организуют вокруг себя другие термины, формируя таким образом их совокупности, которые являются конститuentами системы, взаимосвязанными и взаимообусловленными частями, образующими единое целое — терминосистему. В ней термины находятся в иерархической соподчиненности, обусловленной системностью научных понятий.

Известно, что научные методы познания имеют объективный характер, то есть они реально существуют в сознательной деятельности человека и подчиняются объективным закономерностям реального мира [1, с. 93]. Каждый метод познания, таким образом, определяется не произвольно, а теми свойствами, особенностями объекта познания, которые ему объективно

приуси, то есть специфика научного метода определяется объектом и целью исследования.

Ценнейшим теоретическим последствием общенаучного плана является системный подход как один из принципов теории познания. Методология системного подхода охватывает и объективное (статическое) и процессуальное (динамическое) видение предмета исследования. Она может быть использована для анализа любого научного явления, в том числе и научной терминологии как особой лексической подсистемы.

Специфика научной терминологии требует применения и специальных методов анализа. Их выбор обусловлен необходимостью сочетания ономастического и семасиологического подходов к анализу языкового материала.

Использование огромного арсенала методологических средств, общих и специально лингвистических, для анализа научной терминологии предопределено всем ходом развития общей методологии [4, с. 102], методологии лингвистической науки и состоянием исследуемого объекта с учетом особенностей данного типа языкового материала. Наряду с общеязыковыми, фундаментальными свойствами — историческими, психолингвистическими, системно-структурными и социальными — он характеризуется особыми качествами.

Системный подход как основной метод лингвистического исследования терминологии предполагает два возможных пути анализа: а) отдельных терминов, функционирующих в научном тексте, б) научного текста, на базе которого и выделяются системное содержание терминов и системные характеристики терминосистемы.

То, что терминология имеет системную организацию [3, с. 28], предопределено прежде всего экстралингвистически — строгой зависимостью терминологии от понятийной системы. В зависимости от иерархической структуры понятий выстраиваются и переда-

ющие их термины. Каждый из них занимает соответствующее место среди других терминов системы и находится с ними в определенных связях и отношениях.

Являясь частью лексического состава общеязыковой системы, терминология находится в тесной зависимости от ее лексико-грамматических законов, проявляющихся в парадигматических и синтагматических характеристиках терминов. Как словесным знакам им свойственны все виды семантического развития, общеязыковые словообразование, словопроизводство и словоупотребление, они выступают в основных функциях словесного знака — номинативной и дистрибутивной. Однако действие общеязыковых законов в рамках терминосистемы определенным образом ограничено, регламентировано экстралингвистическими факторами, системой соответствующих научных понятий [11, с. 210].

Таким образом, логико-понятийная привязанность терминов, с одной стороны, и их зависимость от лексико-семантической системы — с другой, обуславливают системное содержание терминологии, которое обеспечивает ее целостность [10, с. 39].

В работах Д. С. Лотте, А. А. Реформатского, А. А. Уфимцевой, О. С. Ахмановой, В. П. Даниленко, Т. Л. Канделаки и других признаков системности так или иначе включен в понятие термина. О связях терминов, образующих систему, писал В. В. Виноградов, подчеркивая языковую сторону системности: «Термины той или иной сферы научных понятий находятся между собой в строго закономерных связях и образуют известную систему» [2, с. 302].

Научная методология изучения любого объекта требует единого и целостного подхода к его рассмотрению. Исследуемый объект должен представлять во всех его аспектах, связях и опосредованиях. Это означает, что его необходимо рассматривать исторически, в связи с конкретным опытом истории. Такой подход предполагает ис-

пользование различных способов и методов анализа, которые взаимодополняют друг друга, что дает возможность всесторонне раскрыть объект исследования.

Как уже говорилось, научные изыскания с таких позиций не мыслятся без системного подхода. Однако сам по себе системный подход не обеспечивает целостного охвата сущности объекта, поскольку направлен на изучение явлений, процессов и объектов в статике, в их стабильных зависимостях и соподчинениях; он не имеет объяснительной силы, позволяющей описать объект исследования. Только будучи соединенным с историческим аспектом, системный подход объясняет исследуемое явление, дает возможность вскрыть механизм причинных связей. В таком виде он выступает как наиболее эффективный способ исследования объектов, в том числе и лингвистических.

С общеметодологической точки зрения значение понимания системности трудно переоценить. Системность представляется особым измерением действительности, она характеризует объект с онтологической точки зрения, а системное знание как новая ступень познания объективной реальности — с гносеологической [7, с. 232].

Понятие системы является продуктом мысли прошлого века. В современной научной литературе существует несколько ее определений. В основном все они сводятся к пониманию системы как отграниченного множества взаимосвязанных и взаимодействующих элементов, образующего устойчивое единство и целостность. А принцип системности — это рассмотрение явлений объективной действительности с точки зрения закономерностей целого и взаимодействия его частей.

Наукой выработаны различные критерии анализа и классификации системных объектов. Свои понятия о системах есть и в языкознании.

Язык как общественное явление — это система, входящая в состав самой большой системы — человеческого об-

щества. Как объект лингвистики он представляет собой многостороннее образование, в котором выделяются частные подсистемы и микросистемы со своими структурными и функциональными признаками, внутрисистемными и межсистемными связями, отношениями и закономерностями. Так, например, лексика языка, являясь определенным уровнем языковой системы, сама выступает как частная система или подсистема, в рамках которой различаются многочисленные пласты и группы языковых единиц, отвечающих определенным принципам классификации или иерархического соподчинения [9, с. 38].

Основные положения системного подхода к исследованию языковых явлений направлены, во-первых, на выделение в качестве объекта исследования такой организации элементов в совокупности, которая представляет собой целостное единство; во-вторых, на выявление внутренних законов объединения элементов в целое, механизма интеграции; в-третьих, на установление зависимостей и отношений, составляющих это целое (подсистем или микросистем), которые, в свою очередь, являются системными образованиями [6, с. 240], входящими в целое на основе принципа иерархичности.

В языкознании, как и в философии, термины «система» и «структура» не имеют однозначного толкования. Наиболее распространенным является понимание системы как внутренне организованной совокупности взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов, образующих сложное единство, рассматриваемое со стороны его частей, а понимание структуры — как схемы взаимоотношений между элементами системы, состава и характера внутренней организации этого единого целого, рассматриваемого со стороны его целостности, являющейся внутренним свойством системы [8, с. 25 — 27].

Исходя из подобного понимания системы и структуры, один и тот же объект или одну и ту же сторону объ-

екта можно рассматривать и как элемент системы, и как компонент структуры. Так, например, термины определенной научной сферы в одной плоскости являются элементами отдельной терминосистемы, в другой — компонентами структурного целого, внутренне организованного на основе характера взаимоотношений между его составляющими.

Поскольку в системе проявляется способ объединения элементов в целое, то есть осмысление объекта идет от составных частей к целому, а в структуре проявляется расчленение целого на части (осмысление осуществляется в обратном порядке), «система» и «структура» являются двумя взаимосвязанными, но разными понятиями. Их взаимосвязь обусловлена тем, что в систему элементы могут быть объединены лишь при наличии у них каких-либо однородных признаков или общего признака (общность обеспечения функций целого). А признак общности отдельных частей предполагает наличие у них различительных признаков, дополняющих друг друга в создании целого. Именно эти дифференцирующие признаки и являются для структуры целого, на них основывается группировка элементов в совокупности на различных уровнях и по разным принципам. Отсюда вытекает, что системные признаки частей целого неразрывно связаны с их структурными признаками. На этом основании в макросистеме могут быть выделены более мелкие системные подразделения — подсистемы, сферы, микросистемы, по-

ля, группы, ряды и т. д., которые будут характеризоваться как системными, так и структурными признаками [9, с. 62 — 64].

В общезыковой системе, например, в качестве самостоятельной системной организации вычленяются терминологическая лексика, система и структура, которые характеризуются специфическими особенностями, внутренне присущими только терминологии и обусловленными как лексически, так и функционально.

Таким образом, системный подход к исследованию терминологии методологически предполагает рассмотрение ее не только на уровне целого, как целостное системное образование, но и на уровне отдельных частей, элементов целого. Это требует: 1) объективизации термина как языковой единицы; 2) раскрытия содержательной структуры термина на основе его функций, обусловленных языковыми и внеязыковыми факторами; 3) установления оснований для объединения терминов в совокупности и совокупностей в более сложные единства [3, с. 29]. Для решения этих вопросов необходимо выявить специфические качества терминов и терминосистемы, присущие системной организации, определить интегральные свойства терминов и их совокупностей, а также установить закономерности взаимодействия и соподчинения элементов системы и принципы, которые обуславливают объединение терминов и функционирование их в системе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Афанасьев В. Г. Системность и общество. М.: Политиздат, 1980. 368 с.
2. Виноградов В. В. Лексикология и лексикография // Избр. тр. М., 1977. С. 301 — 304.
3. Концакая В. П. О системности лексики // Вопр. языкознания. 1984. № 1. С. 26 — 35.
4. Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М.: Политиздат, 1986. 398 с.
5. Кузьмин В. П. Системный подход в современном научном познании // Вопр. филос. 1980. № 1. С. 55 — 73.
6. Курилов Е. Н. Заметки о значении

слова // Очерки по лингвистике. М., 1962. 265 с.

7. Садовский В. Н. Основания общей теории систем. М.: Наука, 1974. 279 с.

8. Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. М.: Наука, 1971. 291 с.

9. Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики. М.: Наука, 1975. 311 с.

10. Уфимцева А. А. К вопросу о лексико-семантической системе языка // Вопр. языкознания. 1962. № 4. С. 38 — 45.

11. Шафф А. Введение в семантику. М.: Иностран. лит., 1963. 256 с.

История

О РУССКО-ИРАНСКОЙ ТОРГОВЛЕ НА НИЖЕГОРОДСКОЙ ЯРМАРКЕ В XIX ВЕКЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Е. З. ГРАЧЕВА, аспирант

В отечественной историографии сложилась общая концепция истории экономических взаимоотношений России и Ирана, но, как всякое «общее», она, естественно, нуждается в уточнении и дополнении более частными моментами. В этой связи русско-иранское сотрудничество на Нижегородской ярмарке в XIX веке заслуживает особого внимания. Благодаря ярмарке Нижний Новгород стал одним из центров на территории России, осуществлявших интенсивный товарооборот между этими государствами. Обширные обороты Нижегородской ярмарки, ее репутация места, куда «стекаются производительные силы всей России» [1, с. 4], и, наконец, удобная и быстрая транспортировка товаров по водному каспийско-волжскому пути — все это, безусловно, привлекало сюда иранских торговцев.

Данная сторона деятельности ярмарки нашла отражение в обширном источниковом материале, хранящемся в Государственном архиве Нижегородской области (ГАНО). Он сосредоточен в нескольких фондах. Большая часть документов находится в фондах Нижегородской ярмарочной конторы и ярмарочного комитета [2, 3] — основных административных органов ярмарки. Это главным образом делопроизводственная документация: отчеты, ведомости, ответы на официальные запросы государственных учреждений разных уровней и т. д.

Из всех материалов по ярмарке ежегодные отчеты о ее деятельности

представляют, на наш взгляд, особую ценность по ряду причин. Во-первых, в них имеется наиболее конкретная информация о привозимых на ярмарку предметах торговли, ее оборотах, ценах на товары и т. д. Другие документы (поквартальные ведомости, объяснительные записки ярмарочных надзирателей, отчеты биржевых маклеров) содержат лишь часть подобных сведений. Все они в совокупности послужили рабочими материалами, на основе которых и составлялись ежегодные отчеты. Во-вторых, приводимые здесь цифры торговых оборотов сопоставляются, что позволяет проследить процесс развития различных отраслей ярмарочного торгова на протяжении нескольких десятилетий XIX века, начиная с 30-х гг. Сравнение это дается как на уровне общих характеристик (лучше или хуже, значительная или слабая торговля и т. д.), так и в цифрах (в этом случае оборот ярмарки отчетного года сопоставляется с предыдущим).

Каждый раздел в ежегодных отчетах заканчивается подробным комментарием — «примечанием». Здесь указывается, насколько успешной была торговля и в силу каких причин это происходило. Подобные «примечания» имеются и в той части ежегодных отчетов, где характеризуется восточный торг.

Раздел «Персидская торговля» появился в ярмарочных отчетах только с начала 60-х гг. XIX века. До этого торг с Ираном рассматривался в доку-

ментах вместе с закавказской торговлей, поскольку значительная часть иранских товаров в первой половине XIX в. поставлялась в Нижний Новгород армянскими купцами.

В отчетах 30 — 50-х гг. чувствуется отношение к армянскому и грузинскому купечеству как «несвоему», так как процесс включения Закавказья в состав Российской империи завершился совсем недавно. Этому способствовала и специфика их торговли. Преобладание «иноземных», главным образом иранских и среднеазиатских товаров в армянских ярмарочных рядах и дворах наглядно демонстрировало, что эти купцы активно занимались посредничеством.

С конца 50-х гг. источниками отмечается рост числа иранских купцов на ярмарке. Замечательным в этом отношении стал 1862 г. Как указывается в отчете, «число торговцев, приехавших в настоящем году из Персии, было гораздо значительнее, сравнительно с приездом их в предыдущее десятилетие» [2, д. 1145, л. 5]. К сожалению, в задачу составителей ежегодных отчетов не входило выяснение состава торгующего на ярмарке купечества, по этому вопросу имеются лишь замечания общего характера, подобные приведенному выше.

Главными объектами внимания для авторов этих источников были товары, привозимые на ярмарку. Архивные материалы фондов ярмарочных административных органов дают возможность достаточно подробно и с высокой степенью достоверности исследовать процессы товарного обмена между различными регионами, и в частности между Россией и Ираном. Ежегодные отчеты показывают, что на протяжении десятилетий ассортимент иранских товаров был стабилен, традиционен. Менялось лишь их соотношение: увеличивался привоз одного вида изделий или продуктов и соответственно снижались, в зависимости от выгоды, поставки другого. В Нижний Новгород иранские торговцы везли выделанные и невыделанные меха, кожи, изделия

ремесел — ковры, багдадские платки, высоко ценившиеся шелковые ткани, изготовленные вручную, сухофрукты, рис. Но всегда главенствующее положение занимало сырье: хлопок, шелк-сырец, некоторые виды природных красителей. В 30 — 40-е гг. ведущим сырьевым продуктом был шелк-сырец. Согласно документам, он составлял до 30 % от стоимости всех привезенных товаров [2, д. 756, 838 и др.]. С конца 40-х гг. он уступил место хлопчатобумажной пряже, а затем хлопку. Объемы их поставок на ярмарку постоянно возрастали и особенно резко увеличились в 1862 году [2, д. 1145, л. 57], когда в связи с изменением внешнеэкономических обстоятельств русское текстильное производство начало активнее использовать азиатское сырье.

Обилие цифрового материала позволяет проследить динамику сырьевого импорта на ярмарке в течение XIX века, начиная с 30-х гг. Это важно, поскольку в середине прошлого столетия Нижегородская ярмарка являлась крупнейшим центром русско-азиатской хлопковой торговли, о чем свидетельствует приводимая ниже таблица. Общие цифры привоза хлопка по азиатской границе приводятся по данным М. К. Рожковой [6, с. 55], а сведения по ярмарке извлечены из архивных дел [2, д. 789, 927, 1025].

Т а б л и ц а

Год	Поставки хлопка, пуды	
	По азиатской границе	На Нижегородскую ярмарку
1840	38 462	30 500
1850	52 017	25 000
1855	224 011	117 000

Привоз иранских товаров на ярмарку на протяжении XIX века в целом возрастал. Однако в отдельные годы наблюдалось его значительное падение. Происходило это из-за всевозможных бедствий — холерных эпидемий в 1831, 1848 и 1871 гг. [2, д. 711, 878, 1344], пожаров (например, пожар в Астрахани в 1858 г. уничтожил на

складах и судах до трети персидских и армянских товаров) [2, д. 1056, л. 49] и т. д. Так как основным транспортным путем для иранских купцов был водный путь по Волге, то нередко мелкозвонье приводило к позднему их прибытию, что также влияло на ход торговли [2, д. 984, л. 78]. Но особенно заметна зависимость иранской торговли на ярмарке от причин внешнего характера. В числе событий, сильно на нее повлиявших, отметим закрытие русским правительством транзитного пути для европейских товаров через Закавказье в 1831 г., в результате чего часть восточных купцов-посредников, занимавшихся ранее их перепродажей, начала сбывать в северных иранских провинциях закупаемые на Нижегородской ярмарке русские изделия [2, д. 760а]. То же самое произошло в 1853 — 1856 гг. «вследствие политических событий (Крымской войны. — Е. Г.)» [2, д. 984, л. 79].

Кардинально изменил иранскую и среднеазиатскую торговлю так называемый мировой хлопковый кризис, разразившийся в 60-х гг. из-за начавшейся в США гражданской войны. Следует отметить, что важнейшие события мировой хозяйственной и политической жизни оказывали влияние на ход торговых дел в Нижнем Новгороде, что свидетельствовало о широком вовлечении ярмарки в сферу международного рынка. Доказательства этому мы находим в архивных материалах. Отмечается, например, что цены на иранский хлопок во многом определялись мировыми, устанавливаемыми в Ливерпуле. Резкое его подорожание в начале 60-х гг. привело к значительному скачку цен и на Нижегородской ярмарке, вследствие чего увеличилось число приехавших из Ирана купцов. И наоборот, падение цен в Ливерпуле в 1864 г. принесло весьма ощутимые убытки иранским хлопковым торговцам [2, д. 1267, л. 24].

Ярмарочные документы показывают также зависимость восточной торговли от конкуренции на севере Ирана закупаемой на ярмарке русской про-

дукции с европейскими, главным образом английскими, изделиями. Особенно актуальной, судя по источникам, эта проблема была в начале 50-х гг. В ежегодных отчетах этого периода постоянно отмечается уменьшающаяся потребность в Азии на русские товары. Неконкурентоспособность русской текстильной продукции на иранском рынке, по всей вероятности, являлась одной из причин того, что восточные купцы значительную часть своей прибыли увозили с ярмарки звонкой монетой — в золотых и серебряных деньгах. Проблеме вывоза звонкой монеты уделяется внимание в «азиатских» разделах всех ярмарочных отчетов 30 — 70-х гг. Особенно усилился ее отток за пределы России, в основном в Иран и государства Средней Азии, после правительственного «разрешения 1830 г. 15, с. 351». Нижегородская ярмарка была очень удобна в этом отношении: сбывая товар за наличные деньги, купцы тут же обменивали их в меняльных рядах на золото и серебро. Кульминационными стали 50-е — начало 60-х гг., когда до 85 % прибыли в виде звонкой монеты отправлялось за азиатские границы [2, д. 838, 939, 958, 984, 1056 и др.; 4, оп. 4, д. 4464, оп. 5, д. 76 и др.].

Вывоз монеты в Иран, как указывают документы, был прекращен в начале 70-х гг. В 1870 г. «почти на всю вырученную за свои товары сумму персияне купили товаров ... и только десятую часть выручки вывезли с собой золотом» [2, д. 1317, л. 46]. А в 1879 г., как отмечают источники, «...персиянами было привезено... до 400 тысяч рублей для закупки российских фабрикантских и заводских товаров» [2, д. 1588, л. 122].

Отчетная документация, вне сомнения, содержит значительный объем данных по иранской торговле на Нижегородской ярмарке. Однако при бесспорной информативной ценности делопроизводственный материал не дает ответа на ряд интересующих нас вопросов по русско-иранскому торговому сотрудничеству в Нижнем Новгороде.

Это прежде всего касается свидетельств о быте иранских купцов, об их контактах с представителями русских торгово-промышленных кругов, отношениях с ярмарочной администрацией и другими органами местной и центральной власти. Данные о численности и персональном составе восточного купечества также отрывочны и неполны. В основном в фонде канцелярии нижегородского губернатора [4] сохранилась лишь небольшая часть материалов, где имеются сведения об иранских торговцах.

Архивные источники свидетельствуют о благожелательном отношении к восточному купечеству со стороны местной администрации. «Покровительство всем азиатским торговцам» [2, оп. 286а, д. 155, л. 338] на ярмарке — такова была установка нижегородского губернатора, и она неукоснительно соблюдалась ярмарочными властями.

Иранская торговля на ярмарке развивалась и росла, что помимо зафиксированных в отчетной документации возрастающих оборотов подтверждается постоянными просьбами торгующего здесь персидского купечества о предоставлении им дополнительных помещений, отводе участков земли под строительство лавок и т. д. Такого рода ходатайства рассматривались на самом высоком уровне — в азиатском департаменте Министерства иностранных дел и даже в Государственном Совете [4, оп. 6, д. 937, л. 46].

Делами иранских купцов занимались представители консульств в Москве и Санкт-Петербурге. В 1863 и

1879 гг. в Нижнем Новгороде по поручению шахского правительства побывали вице-консулы Мирза-Юсуф-Хан и Хан-Мир-Джафар. В 60-е гг. казной были выстроены 18 каменных лавок, составивших персидский ряд ярмарки [2, д. 1149]. Интересно, что избрание места и ходатайство об устройстве этих лавок вице-консул Мир-Джафар поручил тогдашнему председателю ярмарочного биржевого комитета, известному нижегородскому купцу и промышленнику А. М. Губину [2, д. 1149, л. 6], что говорит о заинтересованности русских предпринимателей в торговом сотрудничестве с Ираном.

При исследовании архивных источников закономерно возникает вопрос, насколько современный историк может доверять содержащемуся здесь статистическому материалу. На наш взгляд, было бы неправомерно совсем отказываться от изучения ежегодных отчетов о Нижегородской ярмарке, утверждая, что их «известная недоброкачественность лишает исследователя возможности пользования ими как статистическими источниками» [5, с. 13]. Если это суждение и справедливо, то только в отношении отчетной документации первых 40 — 15 лет функционирования ярмарки. Начиная с 30-х гг., когда сбор сведений о ходе торговых дел стал одной из обязанностей ярмарочной администрации, эти материалы оставляют все меньше места для сомнений. По существу, с этого времени можно говорить о наличии ярмарочной статистики, относительно стабильной и систематической.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Безобразов В. П. Очерки Нижегородской ярмарки. М., 1865. 110 с.
2. ГАО, ф. 489 (Материалы Нижегородской ярмарочной конторы), оп. 286.
3. ГАО, ф. 472 (Нижегородский ярмарочный комитет), оп. 287.
4. ГАО, ф. 2 (Канцелярия нижегородского губернатора), оп. 1 — 6.

5. Рожкова М. К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 390 с.
6. Рожкова М. К. Экономические связи России со Средней Азией в 40 — 60-е годы XIX века. М.: Наука, 1963. 238 с.

НАРОДНОЕ ОПОЛЧЕНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ МОРДОВИИ ЛЕТОМ — ОСЕНЬЮ 1941 ГОДА

В. М. КОВШОВА, научный сотрудник Центра документаци-
ции новейшей истории Республики Мордовия

Народное ополчение Мордовии — это небольшая страничка в истории Великой Отечественной войны. Ее временные рамки охватили июль — сентябрь 1941 года, самые тяжелые месяцы войны.

Народное ополчение нашей республики по масштабу не было таким мощным, как в прифронтовых районах, но оно внесло свою лепту в общую победу. Инициатором этого движения являлась партийная организация города Ленинграда, где 30 июня 1941 года началось формирование добровольных отрядов. 2 июля такие же отряды стали создаваться в Москве и Московской области.

Движение по организации народного ополчения охватило не только прифронтовые районы, они начали создаваться и в глубоком тылу. Учитывая сложившуюся обстановку, Мордовский обком ВКП(б) принял решение о создании таких отрядов и в нашей республике.

«Сообщение из Москвы о создании народного ополчения было живо подхвачено рабочими и служащими г. Рузаевки», — читаем в докладной записке заведующего военным отделом Рузаевского ГК ВКП(б) [9, д. 139а, л. 20]. 23 июля 1941 года был утвержден Рузаевский штаб народного ополчения. В него вошло пять человек во главе с Лукиным. К этому времени жителями города было подано 1400 заявлений с просьбой записать их в ополчение. Сформировав первые отряды, приступили к занятиям. Обучение велось по программе военного времени, занятия проходились два раза в неделю с 2 ротами сандружины и 2 взводами связи [9, д. 139а, л. 20].

С июля 1941 года в Мордовии раз-

вернулась массовая работа по формированию народного ополчения. У ее истоков стояли обком, горкомы, райкомы партии и комсомола, военкоматы. 15 августа 1941 года в Саранске был сформирован отряд ополченцев из 1638 человек, в Старосиндровском районе — из 880, в Ковылкинском районе сформировано 29 отрядов [4, с. 17].

Мордовский обком ВЛКСМ с августа 1941 года приступил к формированию народного ополчения из комсомольцев и молодежи. В Старосиндровском районе было подано 1381 заявление, в Колоновском сельском совете — 385, в Краснослободске — 328, в селе Салма Ромодановского района — 150 [10, д. 365, л. 131 — 133]. Комсомольцы хлебозавода, электровода, пенькокомбината г. Саранска вступили в народное ополчение всей организацией.

В фондах Центра документации новейшей истории Республики Мордовия хранятся заявления о вступлении в ополчение. Комсомольцы Дубенского райздравотдела писали: «Просим зачислить нас в отряды народного ополчения, обещаем не щадя жизни идти на борьбу с озверелым фашизмом». Заявление Ивана Настькина, бухгалтера Мордовторга: «Прошу зачислить меня в народное ополчение. Мой отец боролся на фронтах гражданской войны, мой брат лейтенант, бьет сейчас фашистских бандитов. Я пойду по их следам» [2, с. 62].

Надо отметить, что работа по формированию народного ополчения не везде была одинаково активной. Например, от Ельниковского, Чамзинского райкомов ВЛКСМ не поступало сведений о ходе военной подготовки

молодежи. В Азаровском, Красно-Поселковском, Новоселковском сельских советах Ладского района военные занятия не проводились. В Кочкуровском районе секретарь одной из первичных организаций Ковалев и член ВЛКСМ Тарасова отказались посещать курсы медсестер. Секретарь первичной комсомольской организации колхоза им. Калинина Zubovo-Полянского района Журавлев не только не проводил работы по формированию народного ополчения, но и сам в него не записался. Но, несмотря на это, народное ополчение ширилось, в него вливались новые и новые отряды. От комсомольцев и молодежи Мордовии со дня организации ополчения было подано около четырех тысяч заявлений [4, с. 18].

В сентябре 1941 года народное ополчение Мордовии было сформировано, но отдельные отряды создавались до конца года. Так, в декабре в обком комсомола пришла справка из Торбеевского райкома ВЛКСМ, в которой говорилось, что «в народное ополчение записалось 650 человек, в районе создано три сандружины, в которых обучаются 75 человек, на курсах связистов — восемь человек, выпущено 100 сандружинниц» [10, д. 410, л. 83].

В прифронтовых районах 24 июня 1941 года начали формироваться добровольные истребительные батальоны для борьбы с диверсионными и десантными группами. Такая же работа была организована и в Мордовии. 10 июля на совместном заседании Теньгушевского исполкома райсовета депутатов трудящихся и РК ВКП(б) принимается решение «...поднять революционную бдительность, беспощадно вылавливать и уничтожать шпионов, диверсантов и вредителей. В целях сохранения всего социалистического имущества и имущества граждан немедленно создать при каждом колхозе, предприятии и организациях боевые дружины по охране...» [5, д. 31, л. 576 (об.)]. В октябре секретарь Рузавского ГК ВКП(б) Козлов просит

начальника республиканского военкомата Староватых утвердить начальником боевой группы по борьбе с авиадесантами райвоенкома Серова [19, д. 110, л. 270]. В декабре формируется истребительный отряд в Темниковском лесхозе. В него вошло 134 человека, командовал отрядом В. С. Цуран [17, д. 179, л. 10].

Истребительные отряды были вооружены боевым оружием. Об этом упоминается, например, в письме секретаря Ардатовского РК ВКП(б) Дьякова в обком партии: «Обстановка заставляет ставить вопрос о вооружении 15 — 20 человек истребительного отряда нарезным оружием — винтовками и хотя бы одним ручным пулеметом и 10 — 15 ручными гранатами...» [6, д. 226, л. 79].

Истребительные отряды народного ополчения несли охрану наиболее важных объектов, совместно с милицией выявляли дезертиров, собирали и уничтожали разбросанные с самолетов фашистские листовки. Например, в Рыбкинском районе 5 ноября 1941 года были сброшены антисоветские листовки. Такие же листовки были обнаружены в г. Темникове и в Кадомкинском районе.

Комсомолы Zubovo-Полянской объединенной школы ежедневно несли охрану железнодорожного пути, комсомолы Потьмы ежедневно проверяли состояние пути на протяжении 8 км по обе стороны от станции, комсомолы завода «Дубитель» охраняли железнодорожный мост через реку Вад и несли охрану рабочего поселка [10, д. 365, л. 131].

В сентябре 1941 года сложилось тяжелое положение с охраной промышленных предприятий республики. В связи с уходом на фронт мужчин уменьшилось количество постов и образовался недокомплект военизированной и вахтерской охраны. Например, на Саровском заводе недокомплект военизированной охраны составил 28 человек, а лесопильный завод, деревообделочный цех и автогараж этого предприятия совершенно не ох-

ранялись. В охране ТЭЦ не доставало 3 человек, на ленькокомбинате были сняты 2 круглосуточных поста, недокомплект охраны достиг 18 человек. На Рузаевском п/я № 25 не хватало 19 человек [8, д. 245, л. 2].

Личный состав военизированной и особенно вахтерской охраны был вооружен крайне плохо. На Саранской ТЭЦ 25 % оружия было совершенно непригодно для использования, боеприпасами оно было обеспечено лишь наполовину. На Теньгушевском спиртзаводе им. Сталина вахтерская охрана вообще не имела оружия. На вооружении почтового поста хлебокомбината была учебная винтовка и т. д. [8, д. 245, л. 2 — 3].

Исходя из сложившейся обстановки бюро Мордовского обкома ВКП(б) 27 сентября 1941 года принимает решение «...привлечь к охране предприятий членов отрядов народного ополчения... чтобы вместе с военизированной и вахтерской охраной обеспечить охрану всех участков предприятий... до 10 октября отремонтировать, а там, где недостает, приобрести оружие... и пополнить отряды охраны боеприпасами...» [8, д. 245, л. 3].

В октябре в г. Рузаевку пришли сообщения из политотдела и транспортного отдела НКВД Пензенской желез-

ной дороги о налете вражеского самолета на станцию Полоутино Поворинского отделения. 10 октября бюро Рузаевского ГК ВКП(б) принимает постановление об усилении охраны предприятий города и железнодорожного узла, в котором говорилось: «...Предложить начальнику НКВД т. Ковалеву, начальнику железнодорожной милиции т. Попову установить усиленную вооруженную охрану на особо важных сооружениях (Пензенский и Тат-Пишленский мосты) за счет бойцов пересыльного пункта военкомата, а охрану путей и составов на узле организовать из народного ополчения...» [9, д. 110, л. 269].

Народное ополчение Мордовии сыграло определенную роль в охране промышленных объектов, железнодорожных путей, несло патрульную службу, о чем свидетельствуют документы. Но главной задачей этого движения было обучение военному делу гражданских лиц. В конце июля — начале августа 1941 года в соединениях народного ополчения Саранска и Рузаевки проходила военную подготовку более 2 200 человек [3, с. 5].

По данным на 1 сентября, в этих отрядах военной подготовкой в целом по республике было охвачено 12 700 человек [1, с. 9].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. И в тылу ковалась победа: Воспоминания, очерки о тружениках тыла Мордовии в годы Великой Отечественной войны / Сост.: С. П. Кабасва, Н. Н. Сластухин. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1983. 190 с.
2. Мордовия в годы Великой Отечественной войны. 1941 — 1945: Док. и материалы / Сост.: А. Е. Захаркина, В. И. Лопатова и др. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1962. 565 с.
3. Мордовия в годы Великой Отечественной войны. 1941 — 1945: Материалы к 30-летию

- Победы над фашистской Германией. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1975. 119 с.
4. Попков Т. В. Все — для фронта. Все — для победы. 1941 — 1945. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1982. 114 с.
 5. ЦГА РМ, ф. Р-22, оп. 2.
 6. ЦДНИ РМ, ф. 87, оп. 1.
 7. ЦДНИ РМ, ф. 179, оп. 1.
 8. ЦДНИ РМ, ф. 269, оп. 3.
 9. ЦДНИ РМ, ф. 289, оп. 1.
 10. ЦДНИ РМ, ф. 956, оп. 1.

ПОПРАВКА

В № 1 за 1995 г. по вине редакции была допущена ошибка — вместо фамилии В. М. Ковшиковой напечатано В. М. Ковшов. Допущена неточность и в указании места работы автора. Приносим извинения автору и читателям журнала.

РАБОТА ЭВАКОГОСПИТАЛЕЙ МОРДОВИИ
в 1941 — 1945 гг.

С. Б. БИРЮКОВА, аспирант

В исторической литературе практически не уделено внимания работе эвакогоспиталей на территории Мордовии в годы Великой Отечественной войны. Лишь в некоторых исследованиях затрагиваются отдельные аспекты данной проблемы [5, 6, 8, 9]. Естественно, что столь фрагментарное рассмотрение не позволяет воссоздать реальную картину их деятельности. В данной статье делается попытка наиболее подробно представить ряд вопросов, связанных с функционированием эвакогоспиталей Мордовии, дать им по возможности объективную оценку.

По решению СНК СССР на территории Мордовской АССР в годы Великой Отечественной войны было развернуто 13 эвакогоспиталей; 5 из них находились в Саранске (№ 1314, 3050, 3051, 3052, 4662), 2 — в городах Ардатово (3054), Рузаевке (3053), остальные — в районных центрах республики: Козылкине (1629), Кемле (1630), Зубовой Поляне (1631), Инсаре (1632), Ромоданове (1633), Торбееве (4576). Большинство госпиталей начали принимать раненых уже летом 1941 г., некоторые чуть позже — осенью (1633) и в январе — мае 1942 г. (4662, 4576). Все действовавшие на территории республики эвакогоспитали относились к госпиталям глубокого тыла и предназначались для приема раненых и больных, нуждающихся в лечении на более поздних этапах санитарной эвакуации. Они имели общехирургический характер, а основной контингент в них составляли раненые с повреждением опорно-двигательного аппарата [15, д. 223, л. 11]. Терапевтические больные были сосредоточены главным образом в ЭГ № 3052, а процент их по отношению ко всем находящимся

на лечении был невелик: например, в ноябре 1942 г. он равнялся 7,2, в декабре — 12,8 [3, д. 1, л. 20].

На протяжении всего периода функционирования работа эвакогоспиталей была сопряжена с рядом трудностей, постоянно решаемых, но так и не решенных окончательно. Одной из них, наиболее сложной и значимой, была проблема обеспечения квалифицированными врачебными кадрами. Как известно, накануне войны в Мордовии работало всего 307 врачей, или 2,6 врача на 10 000 чел. населения [7, с. 31, 407], что было явно недостаточно для обеспечения жителей республики своевременной, квалифицированной врачебной помощью. С момента развертывания эвакогоспиталей в них были направлены лучшие медицинские специалисты. Кроме того, уже к 1 сентября 1941 г. в Мордовию в порядке эвакуации прибыло 100 врачей, 107 медсестер, 51 санитар, 40 фельдшеров, 51 акушерка [17, д. 53, л. 1]; некоторые из них были трудоустроены в эвакогоспитали. И тем не менее проблема обеспечения их врачебными кадрами не была полностью решена.

В конце 1942 г. эвакогоспитали Мордовии были укомплектованы врачами лишь на 75 % [14, д. 503, л. 31]. Это средняя цифра, не дающая представления о реальном положении дел в каждом госпитале: так, в ЭГ № 4662 вместо положенных по штатному расписанию 28 врачей имелось только 15 человек (т. е. чуть больше 50 % от необходимого количества), а в ЭГ № 4576 — 5 вместо 13 [14, д. 665, л. 14; 16, д. 2, л. 280]. Хуже всего были укомплектованы районные госпитали: в 1942 г. недокомплект врачей в них составлял 30 человек [14, д. 663, л. 21]. В большинстве из них работало

по одному квалифицированному хирургу, который и являлся ведущим. В 4 районных госпиталях обязанности ведущего хирурга выполняли врачи с небольшим стажем, а в ЭГ № 3052 и № 4576 не было ни одного хирурга [1, д. 1, л. 156; д. 2, л. 280]. В среднем на одного хирурга в ноябре 1942 г. приходилось 206 коек, а в декабре — 275 [3, д. 1, л. 23].

Для оказания помощи при массовом поступлении раненых при отделах эвакуогоспиталей НКЗ МАССР были созданы «группы усиления». В них входили по 3 врача-хирурга, работающих в гражданской сети [10, д. 908, л. 203].

В госпиталях постоянно осуществлялась работа по повышению профессионального уровня специалистов. Так, в 1941 — 1942 гг. были организованы курсы по военно-полевой хирургии с охватом 57 врачей, отдельно проводились занятия с медицинскими работниками по переливанию крови. Через курсы усовершенствования при Казанском институте повысили квалификацию 45 врачей. Со средним медперсоналом были проведены курсы по подготовке сестер по лечебной физкультуре, гипсовой технике, массажу, переливанию крови, операционных и т. д. Всего обучением было охвачено 72 человека [14, д. 503, л. 3].

В госпиталях Мордовии в среднем раз в месяц созывались научные конференции врачей. В августе 1942 г. была проведена республиканская научная конференция. В Саранске организовывались сестринские конференции. Врачами эвакуогоспиталей было подготовлено свыше 20 научных работ [14, д. 503, л. 3].

В первом полугодии 1943 г. 48 врачей повысили квалификацию, были подготовлены 32 операционные сестры, 10 сестер по лечебной физкультуре, 7 — по массажу и 4 — по диетпитанию [11, д. 984, л. 30]. Но в связи с расширением коечной сети врачей, среднего и младшего медперсонала по-прежнему не хватало. В июне

1943 г. из положенных 112 врачей работали лишь 76, или 68 % к штатному количеству [14, д. 696, л. 10]. В целях покрытия дефицита кадров 21 врач в эвакуогоспиталях Мордовии совмещал должности. В 1943 г. была введена система помощников врачей (субординаторов), в качестве которых работали наиболее квалифицированные медсестры. С ними проводились регулярные занятия по соответствующей программе. Под руководством начальников отделений и ординаторов субординаторы участвовали в обходах больных, вели истории болезни, оформляли документы, ассистировали при операциях [4, д. 1, л. 8].

К середине сентября штаты врачей в эвакуогоспиталях были доукомплектованы до 105 человек, медсестер — до 322. В целях повышения квалификации без отрыва от работы в 1943 г. было проведено 18 межгоспитальных и 40 госпитальных конференций. Под руководством наиболее квалифицированных врачей проводились семинары по лечебной физкультуре и торфолечению [10, д. 980, л. 203].

К лету 1944 г. укомплектованность эвакуогоспиталей врачами снова ухудшилась, снизившись до 62 % от штатного расписания [10, д. 995, л. 8] в результате периодических отъездов высококвалифицированных специалистов в освобождаемые районы. Так, например, приказом НКЗ СССР № 154-л от 12.02.44 г. из госпиталей Мордовии было отправлено в Белоруссию 7 специалистов [10, д. 942, л. 27]. В этих условиях одному врачу приходилось вести 70 — 80, а то и более 100 больных [10, д. 995, л. 8; 4, д. 1, л. 8]. Ситуация еще более усугубилась к концу 1944 г., когда, как отмечалось на одном из заседаний СНК МАССР, обеспеченность эвакуогоспиталей врачами составила менее 50 % [10, д. 936, л. 147].

Однако следует отметить, что, несмотря на столь сложную ситуацию, госпитали Мордовии на протяжении почти всех военных лет занимали одно из первых мест по результатам ле-

чебной деятельности. Важнейшим показателем результативности их работы было процентное соотношение возвращенных в строй, отпущенных в отпуск, уволенных в запас и умерших. Анализ полугодовых и годовых отчетов эвакуогоспиталей показывает, что госпитали Мордовии квалифицированно лечили больных и раненых воинов. Конечно, исходы лечения по отдельным госпиталям были различны (например, за первый год работы ЭГ

№ 4662 было возвращено в армию 88,7 % раненых и больных, а ЭГ № 3050 — всего 68,1 % [12, л. 498, л. 121]), однако средние показатели по республике оставались неизменно высокими вплоть до 1944 г., когда результативность лечения резко ухудшилась, что объясняется сокращением числа специалистов, а также большим количеством тяжелых раненых [14, д. 696, л. 6; д. 992, л. 9; 1, д. 39, л. 117; 2, д. 1, л. 37] (табл.).

Таблица

Исходы лечения раненых в эвакуогоспиталях НКЗ МАССР в 1942 — 1944 гг., %

Показатели эффективности лечения	1942 г.		1943 г.		1944 г.	
	1-е полу- годие	2-е полу- годие	1-е полу- годие	2-е полугодие	1-е полугодие	2-е полугодие
Возвращено в строй	72,3	84,6	89,5	95,4 (88,4)	67,8 (63,4)	68,7 (63,9)
Предоставлен отпуск	12,08	1,8	1,0	— (0,1)	— (0,6)	— (0,6)
Уволено в запас	14,9	13,4	9,2	4,3 (11,2)	32,1 (35,5)	30,8 (34,6)
Умерло	0,72	0,2	0,3	0,3 (0,3)	0,1 (0,5)	0,5 (0,9)

Примечание: в скобках указаны данные, приводимые в других документах.

В 1943 — 1944 гг. возросла хирургическая активность и комплексность процедур при лечении. Увеличилось число физиотерапевтических процедур, гигиенической гимнастикой было охвачено 73 % раненых и больных, лечебной физкультурой — 54 [14, д. 696, л. 6]. В 1943 г. из каждых 100 раненых в госпиталях Мордовии подверглись оперативному лечению 30,2 человека. В 1-м полугодии 1944 г. процент прооперированных составил уже 58,7, а в ЭГ № 3052 (ведущий хирург К. И. Кускова) и № 4662 (ведущий хирург Голуб) — 72,0 [1, д. 39, л. 117].

На состоянии лечебной работы в эвакуогоспиталях сказывались и случаи (достаточно частые) перебоев с обеспечением их водой и электроэнергией. Не все обстояло благополучно с организацией лечебного процесса, контроля за лечебной работой. В деятельности ряда госпиталей имелись факты невнимательного отношения к

раненым и больным, ошибки в их лечении, а в отдельных случаях — факты преступно небрежного отношения медперсонала к своим обязанностям.

Подводя итог рассмотрению работы эвакуогоспиталей Мордовии в 1941 — 1945 гг., следует отметить, что, несмотря на все трудности, обусловленные в большой степени состоянием народного хозяйства республики и уровнем развития ее социально-культурной сферы накануне войны, усугубленных тяготами военного времени, несмотря на отдельные недостатки в организации лечебного процесса, госпитали Мордовии с честью справлялись с возложенными на них задачами. Лучшее доказательство тому — результативность их работы, количество вернувшихся в армию и просто поставленных на ноги.

За добросовестную и самоотверженную работу 90 сотрудников эвакуогоспиталей Мордовской АССР были представлены к награждению грамо-

тами Наркомздрава Союза ССР и значком «Отличник здравоохранения» [1, д. 8, л. 2 — 4]: 29 человек были рекомендованы правительством республики для представления к правительственным наградам. Среди них начальники госпиталей С. А. Альперо-

вич, Л. Н. Лехина; Е. Л. Рабинович, С. М. Семенов, Ю. И. Юшкин, ведущие хирурги К. И. Кускова и В. Н. Рабинович, а также ряд начальников отделений эвакогоспиталей, субординаторы, медсестры и санитары [13, д. 153, л. 30].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Архив военно-медицинских документов Военно-медицинского музея Министерства обороны Российской Федерации (АВМД ВММ), ф. 8209, оп. 69823.
2. АВМД ВММ, ф. 1660, оп. 61769.
3. АВМД ВММ, ф. 1660, оп. 59217.
4. АВМД ВММ, ф. 1659, оп. 60615.
5. И в тылу шла Победа! Саранск: Морд. кн. изд-во, 1983. 191 с.
6. История Мордовской АССР: В 2 т. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1982. Т. 2. 431 с.
7. Народное хозяйство РСФСР за 70 лет: Стат. ежегодник, М.: Финансы и статистика, 1987. 204 с.
8. Очерки истории Мордовской АССР: В

- 2 т. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1981. Т. 2. 542 с.
9. Сорокин А. В. К вопросу о деятельности хестных Советов Мордовии в годы Великой Отечественной войны // Исследования по истории Мордовской АССР. Саранск, 1972. С. 77 — 91.
10. ЦГА РМ, ф. 228, оп. 1.
11. ЦГА РМ, ф. 228, оп. 3.
12. ЦГА РМ, ф. 333, оп. 1.
13. ЦДНИ РМ, ф. 269, оп. 1.
14. ЦДНИ РМ, ф. 269, оп. 3.
15. ЦГА РМ, ф. 435, оп. 1.
16. ЦГА РМ, ф. 435, оп. 3.
17. ЦГА РМ, ф. 473, оп. 1.

Ю р и с п р у д е н ц и я

ОРГАНИЗАЦИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СПЕЦИАЛЬНОЙ СУДЕБНОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА МОРДОВСКОЙ АССР ПО РАССМОТРЕНИЮ ДЕЛ О ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ (1934 — 1938 гг.)

Е. Н. ТЯЗИН, старший преподаватель

В начале 30-х годов в развитии Советского государства все более отчетливо стала проявляться тенденция к укреплению законности, которая нашла свое отражение в перестройке органов суда, прокуратуры, милиции и государственной безопасности. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 20 июня 1933 года была образована Прокуратура Союза ССР, а 17 декабря 1933 года утверждено Положение о Прокуратуре СССР. Ее основной задачей являлось укрепление законности и охрана социалистической собственности.

10 июля 1934 года постановлением ЦИК СССР был образован общесоюзный Народный комиссариат внутренних дел [3]. Судебная коллегия ОГПУ упразднялась, а ее функции, то есть применение мер наказания к лицам, совершившим тяжкие государственные преступления (шпионаж, террористические акты, диверсии и др.), передавались суду.

ЦИК СССР 10 июля 1934 года постановлением «О рассмотрении дел о преступлениях, расследуемых Народным комиссариатом внутренних дел и его местными органами» [4] опреде-

лил подсудность направляемых в суды дел о государственных преступлениях. Для их рассмотрения при Верховном суде СССР, верховных судах союзных республик, краевых и областных судах, а также главных судах автономных республик создавались специальные судебные коллегии в составе председателя и двух членов суда. Это способствовало укреплению авторитета судебных органов и демократических основ правосудия.

Формирование специальных судебных коллегий в РСФСР в основном закончилось в 1934 году. Решением бюро Мордовского обкома ВКП(б) от 21 февраля 1935 года были утверждены штаты спецколлегии Главного суда МАССР, председатель и члены которой избирались ЦИК Мордовской АССР сроком на один год. Ее деятельность определялась постановлениями ЦИК СССР от 10 июля 1934 года и временной инструкцией Прокурора СССР и председателя Верховного суда СССР от 31 августа 1934 года «О порядке применения постановлений ЦИК Союза ССР от 10 июля 1934 года». Спецколлегия Главного суда МАССР предоставлялось право рассматривать дела о контрреволюционных и особо опасных преступлениях против порядка управления (о контрреволюционной пропаганде и агитации, вредительстве, массовых беспорядках, бандитизме и т. п.), которые не были подсудны военным трибуналам, а также дела по закону от 7 августа 1932 года о хищениях государственного и общественного имущества, сопровождающихся массовыми выстулдениями, насильственными действиями или по которым проходили организованные группировки.

Дела, расследованные органами НКВД МАССР, передавались в специальную судебную коллегия через прокурора Мордовской АССР, который утверждал обвинительное заключение по ним. Приговоры могли быть отменены или изменены в кассационном порядке или в порядке надзора специальной судебной коллегией Верховного суда РСФСР.

Основным направлением в работе спецколлегии Главного суда МАССР являлось рассмотрение дел о контрреволюционной пропаганде и агитации (ст. 58-¹⁰ УК РСФСР). В 1935 году в судебных заседаниях было рассмотрено 71 дело, по которым осуждено к лишению свободы 147 человек. Число подсудимых по ст. 58-¹⁰ УК РСФСР по полугодиям составило соответственно 93,1 и 86,4 % от общего количества привлеченных к уголовной ответственности за государственные преступления.

В марте 1937 года в соответствии со ст. 107 Конституции СССР Главный суд был переименован в Верховный суд Мордовской АССР. Принятие Конституции СССР 1936 года имело важное значение для дальнейшего развития конституционных основ правосудия. Так, ст. 103 закрепляла положение о том, что рассмотрение дел во всех судах осуществляется с участием народных заседателей, кроме случаев, специально предусмотренных законом [1, с. 741]. Однако специальные судебные коллегии краевых, областных судов и верховных судов автономных республик по-прежнему рассматривали дела о государственных преступлениях без участия народных заседателей, защиты и обвинения, что прямо противоречило положениям Основного закона. Рассмотрение дел о контрреволюционных преступлениях проходило, как правило, в закрытых судебных заседаниях и оформлялось как секретное производство. Уголовные дела вместе с копиями приговоров подлежали возврату в органы НКВД.

Процессы над «врагами народа» в середине 30-х годов показали, что суд являлся одним из главных орудий пролетарской диктатуры в борьбе с «предателями». В постановлении общесоюзного совещания председателей специальных судебных коллегий, проходившего 10 мая 1937 года, выдвигалось требование «по отношению к лицам, изобличенным во вредительстве, контрреволюционной организационной

работе, троцкистской, пораженческой, террористической агитации, проводить линию беспощадной судебной репрессии, не допуская беспечности, благодушия и притупления политической бдительности» [13, л. 44].

На спецколлегию Верховного суда МАССР возлагалась задача подавления наиболее активных форм сопротивления классово-враждебных элементов. В 1937 году ею рассмотрено 189 дел о контрреволюционной пропаганде и агитации, по которым было осуждено 215 человек. Наибольшее количество привлеченных к ответственности составляли рабочие и колхозники. Так, в IV квартале из 60 осужденных к лишению свободы 59 человек по социальному положению относились к этой категории граждан; членов ВКП(б) и ВЛКСМ было 9 человек, беспартийных — 51 [15, л. 81]. К осужденным за государственные преступления в виде наказания применялись тюремное заключение на длительные сроки и поражение в политических правах.

Приговором спецколлегии Верховного суда МАССР от 27 декабря 1937 года Н. К. Потанин, уроженец с. Унуевский Майдан Кадошкинского района, беспартийный, русский, был осужден по ст. 58⁻¹⁰ ч. 1 УК РСФСР к 7 годам лишения свободы с поражением в правах на 3 года. Судом он признан виновным в том, что, работая бухгалтером артели инвалидов «Социализм» и будучи враждебно настроен к существующему строю, 28 января 1937 года в правлении артели проводил контрреволюционную агитацию среди граждан против Советской власти, вождей партии и правительства. Кроме того, он хранил у себя с 1924 года контрреволюционную литературу, а также писал стихи против колхозного строительства. В судебном заседании Потанин пояснил, что он выражал недовольство работой местных органов власти, а не Советской властью. В 1924 году он действительно приобрел книгу под названием «Уроки Октября», автором которой

являлся Троцкий, но он не читал ее и лишь хранил у себя дома. Стихотворения о колхозах, которые были приобщены к делу, он писал в 1936 году, где хотел высмеять людей, не желающих вступить в колхоз. Каких-либо других целей не преследовал. В судебном заседании ни один свидетель не допрашивался.

В высказываниях Потанина, а также в изъятых у него стихах и в его действиях не усматривается призывов к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или совершению иных контрреволюционных преступлений, образующих состав преступления, предусмотренного ст. 58⁻¹⁰ УК РСФСР. Впоследствии Потанин был полностью реабилитирован. Приговор спецколлегии Верховного суда МАССР был отменен, а дело производством прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления.

Суровые меры применялись в борьбе с вредительством и диверсиями в народном хозяйстве. 3 августа 1937 года секретарь ЦК ВКП(б) И. Сталин направил секретарям обкомов, крайкомов ВКП(б) и ЦК нацкомпартий телеграмму, в которой говорилось: «ЦК считает существенным недостатком руководства делом разгрома вредителей в сельском хозяйстве тот факт, что ликвидация вредителей проводится закрытым порядком по линии органов НКВД... ЦК ВКП(б) обязывает обкомы, крайкомы и ЦК нацкомпартий организовать в каждой области по районам 2 — 3 открытых процесса над врагами народа — вредителями сельского хозяйства, пробравшимися в районные, партийные, советские и земельные органы (работники МТС, райЗО, предРИК'я, секретари РК и т. п.), широко осветив ход судебных процессов в местной печати» [14].

14 сентября 1937 года ЦИК СССР принял постановление «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик» [15], согласно которому обвинительное заключение по делам о контрреволюционном вредительстве и

диверсиях вручалось обвиняемым за одни сутки до рассмотрения дела в суде, кассационного обжалования не допускалось, приговоры о высшей мере наказания должны были приводиться в исполнение немедленно по отклонении ходатайства осужденных о помиловании.

Постановлением ЦИК СССР от 2 октября 1937 года [6] по делам о контрреволюционном вредительстве (ст. 58¹ УК РСФСР) допускалось применение наказания в виде лишения свободы на срок до 25 лет. Действующим уголовным законодательством (ст. 18 Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик) до принятия данного постановления за контрреволюционное преступление в качестве уголовного наказания предусматривалось лишение свободы на срок не свыше 10 лет. Указанный нормативный акт подлежал применению независимо от момента возникновения дела и имел обратную силу. В IV квартале 1937 года специальной судебной коллегией Верховного суда МАССР по делам о контрреволюционном вредительстве было осуждено 36 человек, из них к высшей мере наказания — 4, на срок от 5 до 10 лет лишения свободы — 10, на срок 10 лет — 20, на срок свыше 10 лет — 2 человека [15, л. 81].

Приговором спецколлегии Верховного суда МАССР от 24 июня 1938 года И. П. Аксенов, русский, член ВКП(б), осужден по ст. 58¹ УК РСФСР к 15 годам лишения свободы с поражением в правах на 5 лет. Он был осужден за то, что, работая директором Жигаловского крахмального завода с 1935 года по октябрь 1937 года, с целью вредительства развалил работу, в связи с чем специалисты и рабочие вынуждены были увольняться, завод приходил в полную негодность, ремонт его затягивался или производился некачественно. Аксенов психически стремился снизить количество и качество выпускаемой заводом продукции, запутывал отчетность и учет. Критика и самокритика занимали

лишь, производственные совещания не проводились, предложения рабочих оставались без внимания. На заводе допускалось массовое хищение картофеля и крахмала. В результате преступных действий Аксенова государству был причинен ущерб на сумму 342 684 рубля.

В действиях Аксенова не усматривается контрреволюционного умысла. В 1992 году прокурором МАССР был принесен протест в президиум Верховного суда МАССР на приговор спецколлегии по делу Аксенова. Его действия переквалифицированы на ст. 111 УК РСФСР (халатность). Санкция этой статьи предусматривала наказание в виде лишения свободы сроком на 3 года.

Специальная судебная коллегия Верховного суда МАССР просуществовала до середины 1938 года. 16 августа Верховный Совет СССР принял Закон о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик [2], который устранил существовавшие противоречия между Конституцией СССР и законодательством об организации специальных судебных коллегий. Согласно этому закону рассмотрение дел во всех судах должно было осуществляться в составе судьи и двух народных заседателей, кроме случаев, специально предусмотренных законом (ст. 14). Упразднив специальные судебные коллегии, Закон установил, что рассмотрение дел о контрреволюционных преступлениях должно проходить в судебных коллегиях по уголовным делам соответствующих судов с обязательным участием народных заседателей.

В 1934 — 1938 годах специальными судебными коллегиями при рассмотрении дел о государственных преступлениях было допущено немало нарушений законности. XX съезд КПСС не только осудил культ личности Сталина, массовые репрессии и беспрецедентные нарушения конституционных прав граждан, но и открыл дорогу для восстановления справедливости и укрепления законности и правопорядка.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 апреля 1955 года «О порядке рассмотрения дел президиумами судов» [7] Прокурору РСФСР предоставлялось право внесения протестов в порядке надзора в президиум Верховного суда РСФСР на вступившие в законную силу приговоры специальных судебных коллегий на основании заявлений и жалоб самих осужденных. Однако такой порядок рассмотрения заявлений затруднял пересмотр уголовных дел. Процесс восстановления справедливости не был доведен до конца и к 1964 году фактически прекратился.

Новый этап в процессе реабилитации начался в 1987 — 1989 годах, когда были приняты постановления Политбюро ЦК КПСС [11; 12] и указы

Президиума Верховного Совета СССР, Президента СССР [8; 9] о дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий. Работа по проверке и пересмотру уголовных дел стала осуществляться независимо от палиция заявлений и жалоб граждан.

Закон РСФСР от 18 октября 1991 года «О реабилитации жертв политических репрессий» [10] установил, что реабилитации подлежат лица, которые по политическим мотивам были осуждены за государственные преступления. В 1988 — 1994 годах президиумом Верховного суда РФ было реабилитировано свыше 300 человек, осужденных специальной коллегией Верховного суда МССР в 30-х годах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конституция (Основной закон) СССР 1936 г. // История Советской Конституции. 1917 — 1956 гг. М.: Госюриздат, 1957. С. 729 — 746.

2. Закон о судеустройстве СССР, союзных и автономных республик // Ведомости Верховного Совета СССР, 1938. № 11.

3. Об образовании общесоюзного Народно-го комиссариата внутренних дел: Постановление ЦИК СССР от 10 июля 1935 г. // СЗ СССР, 1934. № 36. Ст. 283.

4. О рассмотрении дел о преступлениях, расследуемых Народным комиссариатом внутренних дел: Постановление ЦИК СССР от 10 июля 1934 г. // СЗ СССР, 1936. № 36. Ст. 284.

5. О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик: Постановление ЦИК СССР от 14 сентября 1937 г. // СЗ СССР, 1937. № 61. Ст. 265.

6. Постановление ЦИК от 2 октября 1937 г. // СЗ СССР, 1937. № 66. Ст. 297.

7. О порядке рассмотрения дел президиумами судов: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25 апреля 1955 г. // Ведомости Верховного Совета СССР, 1955. № 7. Ст. 166.

8. О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30 — 40-х и начала 50-х годов: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. //

Ведомости Верховного Совета СССР, 1989. № 3. Ст. 19.

9. О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20 — 50-х годов: Указ Президента СССР от 13 августа 1990 г. // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР, 1990. № 34. Ст. 647.

10. О реабилитации жертв политических репрессий: Закон РСФСР от 18 октября 1991 г. // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР, 1991. № 44. Ст. 1428.

11. О дополнительных мерах по завершению работы, связанной с реабилитацией лиц, необоснованно репрессированных в 30 — 40-е годы и начале 50-х годов: Постановление Политбюро ЦК КПСС от 11 июля 1988 г. // Известия ЦК КПСС, 1989. № 1. С. 43.

12. О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30 — 40-х и начала 50-х годов: Постановление Политбюро ЦК КПСС от 5 января 1989 г. // Известия ЦК КПСС, 1989. № 2. С. 22 — 23.

13. Государственный архив Российской Федерации, ф. 353, оп. 164д, 21.

14. Центр хранения современной документации, ф. 89, перечень 48, док. 12.

15. Центральный государственный архив Республики Мордовия, ф. Р-527, оп. 3, д. 1.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА НАЛОГОВЫХ ОРГАНОВ

М. Р. ЯФАРОВ, аспирант

До середины 80-х годов, когда фактически единственным методом управления экономикой был командно-административный, у государства в целом и его органов, непосредственно занимающихся организацией, обеспечением исполнения государственного бюджета, не возникало особых проблем при исполнении доходной его части. Строгая централизация и соответствующая финансовая дисциплина обеспечивали бесперебойное и своевременное поступление в государственную казну как налоговых, так и неналоговых платежей.

В ходе экономических реформ, начатых в 1985 году, появились самостоятельно хозяйствующие субъекты (кооперативы, граждане, занимающиеся индивидуальной трудовой деятельностью), с трудом вписывающиеся в существующую экономическую систему. Причем их количество постоянно и довольно быстро росло: уже на 1 января 1988 года было зарегистрировано 23 тыс. кооперативов, а разрешение на занятие индивидуальной трудовой деятельностью получили около 430 тыс. человек, что в 5 раз превышало их число в 1986 году [4]. Образовался сектор экономики, управление которым не могло осуществляться прежними способами, в том числе в области расчетов этих экономически самостоятельных субъектов с государством, то есть в сфере учета их доходов и контроля за уплатой ими налогов. Государство отреагировало на возникшую ситуацию следующим образом: постановлением Совета Министров СССР от 14 марта 1988 года в составе местных финансовых органов были образованы налоговые инспекции, а в министерствах финансов

автономных республик, в краевых, областных финансовых управлениях вводились должности налоговых ревизоров и инспекторов. На вновь образованные подразделения возлагалась задача практической работы по контролю за взиманием налогов и соблюдением порядка осуществления кооперативной и индивидуальной трудовой деятельности граждан.

Дальнейшее углубление экономических реформ, обретение государственными предприятиями все большей самостоятельности, а вместе с тем и ухудшение положения в области финансовой дисциплины вело к необходимости укрепления финансовых подразделений, специализирующихся на контроле за уплатой налогов. В 1990 году создается единая система контроля за соблюдением налогового законодательства — Государственная налоговая служба, состоящая из государственных налоговых инспекций, находящихся при Министерстве финансов СССР, министерствах финансов союзных и автономных республик, причем эти инспекции подчинялись как соответствующим министерствам финансов, так и вышестоящим государственным налоговым инспекциям. 31 декабря 1991 года был издан Указ Президента Российской Федерации «О Государственной налоговой службе», в соответствии с которым налоговые органы были выведены из системы Министерства финансов. Они образовали единую, централизованную, независимую систему контроля за соблюдением налогового законодательства [1].

Высшим звеном новой системы стала Государственная налоговая служба Российской Федерации, воз-

главляемая руководителем в ранге министра, назначаемым Президентом. Независимый и централизованный характер налоговой службы нашел отражение в том, что она была подчинена Президенту и Правительству Российской Федерации. Государственные налоговые инспекции при осуществлении своей деятельности подчиняются лишь вышестоящим органам. Начальники государственных налоговых инспекций по республикам, краям, областям, автономным образованиям в составе Российской Федерации, городам Москва и Санкт-Петербург назначаются руководителем Государственной налоговой службы, а по другим административно-территориальным образованиям — руководителями вышестоящих государственных налоговых инспекций.

Столь радикальные преобразования в системе финансовых органов и по сути расчленение ее на две самостоятельные, организационно обособленные части преследовали цель повысить роль налоговой системы в современных условиях, укрепить Государственную налоговую службу, обеспечить независимость ее деятельности, сохранить и обогатить кадровый потенциал. Но в финансовых органах такая структурная перестройка была воспринята неоднозначно. Выдвигались следующие аргументы против подобного подхода к решению вопроса повышения роли и укрепления налоговой службы. Во-первых, такие виды финансовой деятельности государства, как планирование доходов и расходов, организация, обеспечение государственного бюджета и контроль за его исполнением, есть неразрывный, целостный процесс, управление которым должно осуществляться из единого центра, через единую систему органов. Во-вторых, организационное обособление налоговой службы привело к необоснованному увеличению численности штатов налоговых органов. В-третьих, произошел разрыв единой системы обеспечения исполнения решений органов власти субъектов федерации, органов местного самоуправ-

ления по вопросам налогообложения, так как последние не могут непосредственно влиять на налоговые инспекции, функционирующие на их территории.

Итак, возникают вопросы, существовали ли объективные предпосылки выделения налоговых органов из состава Министерства финансов в единую, централизованную, независимую систему и было ли это закономерным явлением.

Необходимо отметить, что проблема совершенствования организационно-правового положения специальных контрольных государственных органов — государственных инспекций поднималась еще в середине 80-х годов. Ряд авторов в целях создания необходимых гарантий автономности государственных инспекций при реализации их компетенции предлагали подчинить их органам общей компетенции (Совета Министров). Вносились также предложения о создании единого контрольного органа, которому бы подчинялись все органы как межведомственного, так и ведомственного контроля [3].

В то же время вполне справедливо высказывалось опасение, компенсирует ли выгода, которую даст такая кардинальная реорганизация, те неизбежные потери, которые с этим связаны. Ведь создание органа, контролирующего все и вся, вряд ли выполняемая задача в условиях чрезвычайно усложнившегося, дифференцированного по отраслям хозяйства. Кроме того, создание такого органа не снимет проблемы отраслевой координации.

В поисках наиболее целесообразной подчиненности каждой госинспекции для обеспечения максимальной эффективности ее деятельности нужно детально сопоставлять функции того ведомства, министерства, в составе которого она находится, с функциями самой инспекции как части целого. Это необходимо для ответа на вопросы, правильно ли соединены различные функции в одном органе, совместимы они или нет. Несовместимые

функции не должны соединяться в одном органе, также нецелесообразно дробить однородную функцию как между органами в рамках одной отраслевой системы, так и между группами несоподчиненных органов. В конечном счете все сводится к тому, чтобы точно определить объект управления министерства, ведомства, и в соответствии с этим установить структуру того или иного органа государственного управления, определить его функции.

Итак, объектом управления Министерства финансов является деятельность, связанная с образованием и использованием общегосударственного фонда денежных средств. Для осуществления повседневного управления Министерство финансов имело необходимую структуру, выполняло определенные функции, в том числе и контрольные. Проведенная реформа расчленила единый субъект управления путем выделения организационно самостоятельной, независимой структуры, деятельность которой направлена лишь на одну сторону единого объекта управления — на образование за счет налоговых поступлений общегосударственного фонда денежных средств. Несомненно, это ведет к дезорганизации управления данным объектом, нарушаются такие управленческие функции, как сбор информации, прогнозирование, организация, регулирование, координация и др., что в конечном счете вызывает трудности в процессе планирования доходов и расходов бюджета, его исполнения. В настоящее время в финансовых и налоговых органах имеются структурные подразделения, занимающиеся, по существу, одними и теми же видами деятельности, то есть налицо дробление однородной функции между несоподчиненными органами, что приводит к неоправданному увеличению общей численности работников государственного аппарата в целом.

Еще один аспект рассматриваемой проблемы состоит в следующем. При образовании любого министерства, ве-

домства либо при изменении его статуса необходимо определиться, будет ли оно строго централизованным или органы его системы будут иметь двойное подчинение на уровне субъектов федерации, на местном уровне.

Теорией государственного управления на основе изучения и анализа практики выработаны определенные критерии строго централизованного построения органов государственного управления. Во-первых, объект управления призван удовлетворять потребности всего государства. Во-вторых, централизация конкретной отрасли управления в масштабе всей страны должна осуществляться при наличии объективной необходимости в этом. В-третьих, управление данным объектом не требует учета местных различий. В-четвертых, организация центрального органа государственного управления не зависит от каких-либо местных (национальных, экономических) особенностей. И только при наличии всей совокупности этих элементов можно говорить о создании централизованного органа государственного управления.

Обратимся теперь к Государственной налоговой службе Российской Федерации как ведомству, имеющему строго централизованное построение системы своих органов, и спроецируем на него изложенные выше критерии.

Объектом управления Государственной налоговой службы Российской Федерации является деятельность, связанная с уплатой налогов в бюджет страны, бюджеты ее субъектов, местные бюджеты. Из этого следует, что объект управления Государственной налоговой службы призван удовлетворять потребности как государства в целом, так и субъектов федерации, административно-территориальных единиц.

Государственная налоговая служба Российской Федерации осуществляет специфический вид управленческой деятельности — контроль за соблю-

дением налогового законодательства. Высшая степень централизации этой отрасли государственного управления в масштабе всего государства требовалась бы в случае, если бы Государственная налоговая служба осуществляла контроль за соблюдением нормативных актов о налогах, принимаемых только федеральными органами. Но на это ведомство возложена задача осуществления контроля за исполнением нормативных актов в области налогообложения, принимаемых как федеральными органами, так и органами субъектов федерации, местными органами власти. В силу этого контрольная деятельность налоговых органов никак не может полностью обособиться, быть независимой от деятельности органов государственной власти субъектов федерации, местных органов власти, связанной с налогообложением, а потому требуется определенная ее децентрализация, основанная на интересах территорий, в пределах которых функционируют налоговые органы, и решениях соответствующих органов власти, через которые эти интересы проявляются. Децентрализация должна найти выражение в организационной зависимости налоговых органов от соответствующих органов власти по вопросам в сфере налогов, находящимся в их ведении.

Содержание контрольной деятельности налоговых органов далеко не однозначно и во многом зависит от вида подконтрольных объектов. Скажем, осуществление контроля за уплатой налогов крупным промышленным предприятием имеет свою специфику, контроль за уплатой налогов индивидуальным предпринимателем — свою и т. д. Размещение же подконтрольных объектов на территории России очень неравномерно. В одних районах сконцентрированы крупные промышленные предприятия, в других — сельскохозяйственные; в одном месте

получила широкое развитие индивидуальная предпринимательская деятельность, в другом предпочтение отдается коллективным предприятиям. Характер контрольной деятельности зависит и от географического расположения той или иной территориальной единицы, культурных, бытовых особенностей. Так, контроль за уплатой курортного сбора имеет свои особенности, но не везде он может быть введен, так же как и контроль, например, за уплатой сбора за участие в бегах на ипподромах. Таким образом, учет местных различий при осуществлении контрольной деятельности налоговыми органами просто необходим.

Местные различия влияют на организацию деятельности налоговых органов, функционирующих в той или иной административно-территориальной единице. Структура налоговой инспекции устанавливается в зависимости от особенностей географического, экономического, национального характера.

Из вышесказанного следует, что строго централизованное построение налоговых органов вряд ли отвечает общим требованиям, выдвигаемым при установлении системы центральных органов государственного управления, а поэтому можно сделать вывод, что радикальное совершенствование правового статуса налоговых органов было проведено без учета всех объективных условий и потребностей. Следовательно, требуется соответствующая его корректировка. При этом оптимальным вариантом было бы включение налоговых органов в состав Министерства финансов, четкое определение полномочий местных органов власти, органов государственной власти субъектов федерации, федеральных органов в сфере контроля за выполнением налоговыми инспекциями нормативных актов, принятых данными органами по вопросу налогообложения.

1. О Государственной налоговой службе РФ: Указ Президента РФ // Рос. газ. 1992. 13 янв.

2. Курашвили Б. П. Очерк теории государственного управления. М., 1987.

3. Студеникина М. С. Государственные инспекции в СССР. М., 1987.

4. Тур В. А. Важный этап перестройки работы по налогам с населением // Финансы СССР. 1988. № 5. С. 7 — 11.

Педагогика

ЛОГИКО-ГЕНЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФИЗИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ ПРИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ

Л. В. МАСЛЕННИКОВА, кандидат педагогических наук

Курс физики для инженерных специальностей представляет собой основы физики — науки, в содержание которой входят: факты, понятия, величины, законы, теории, физическая картина мира, методы физики и специфические правила и приемы мыслительной и практической деятельности, практические применения физики.

Факты, понятия, законы, теории курса физики должны быть преподнесены студентам в систематизированном виде в соответствии с дидактическим принципом систематичности и последовательности изложения знаний. Необходимость структурирования физического знания определяется не только принципом систематичности обучения. Большой объем знаний и отсутствие возможностей для увещания времени изучения материала, отражающего профессиональную направленность курса физики, требует тщательного отбора и систематизации учебного материала. Эта проблема может решаться по-разному.

В настоящее время в методике преподавания физики при отборе содержания учебного материала и его структурировании широко применяется принцип генерализации знаний, который предполагает выделение од-

ной или нескольких стержневых идей и группировку материала вокруг них. Наиболее последовательно принцип генерализации реализован в школьных курсах физики как в России, так и за рубежом. При этом в качестве стержневых выбраны разные физические идеи и понятия. Так, в школьном курсе физики в Германии ведущими являются частицы, поля и энергии, в Венгрии — взаимодействия, энергии, частицы, модели [2].

Материал курса физики отечественной средней школы «группируется вокруг физических теорий. Такой подход к отбору содержания учебного материала и его структурированию является, на наш взгляд, весьма плодотворным. Это определяется, во-первых, значением физических теорий в науке, которое заключается в том, что включая в себя ряд положений, понятий, теория исчерпывающе определяет круг явлений и в этом смысле является основной и ведущей формой знаний; во-вторых, «теория» содержит в себе современные формы мышления (отражает их), в «снятом», свернутом виде воплощающие элементы цикла познания» [1, с. 22]. Поэтому объединение учебного материала вокруг физических теорий позволяет сформиро-

вать у обучаемых определенный способ мышления, так называемое теоретическое мышление, соответствующее современному уровню общественного познания. Это одна из задач обучения физике в высшей школе. Развитие теоретического мышления позволяет обобщать знания обучаемых на уровне физической картины мира и тем самым способствует решению задачи формирования у них научного мировоззрения. Поэтому группировка материала вокруг физических теорий позволяет передать обучаемым в обобщенном виде определенную сумму знаний и использовать ее для объяснения и предсказания явлений и процессов, формировать у них теоретическое мышление и научное мировоззрение. Выделение теории в качестве ведущей структурной единицы учебного материала открывает большие возможности для целенаправленного и целесообразного отбора конкретного учебного материала. Для этого необходимо обратиться к структуре физической теории.

«Физическая теория неразрывно связана с дополняющими ее гипотезами, различными моделями, методологическими установками. Именно из этих составляющих физической науки возникают устойчивые образования, которые получили название «теоретических схем» (частных теорий). Они развиваются в социально-историческом процессе как самостоятельная форма знаний и как этап конструирования теорий.

По степени общности теоретические схемы подразделяются на фундаментальные и частные. Основанием для такого деления служит характер абстрактных объектов. Ввиду значимости физических теорий в построении учебного процесса возникает объективная необходимость выделения в теоретическом материале современного курса физики «фундаментальных и частных теоретических схем» [3, с. 13].

Следует отметить, что материал школьного курса физики группирует-

ся вокруг фундаментальных физических теорий (классическая механика, молекулярная физика, электродинамика, квантовая физика), в то время как в курсе физики высших учебных заведений такая группировка материала отсутствует. Однако в нем достаточно четко можно выделить частные теоретические схемы (теория свободного падения, теория тяготения, теория колебаний и т. д.).

Исходя из того что «теоретические схемы» развиваются в социально-историческом процессе как самостоятельная форма знаний, они неразрывно связаны с социально-экономическим процессом производства. В фундаментальных и частных теоретических схемах выделяются общие этапы теоретических обобщений, представляющих собой их структуру и находящихся в следующей взаимосвязи:

- факты как некоторый фрагмент объективной действительности, явления, результаты экспериментов, основания теоретических схем;

- физические модели, лежащие в основе понятий, законов, теорий, общезначимые понятия, законы и идеи, выступающие как средство формирования единой картины мира (ядро теоретических схем);

- выводы и практические приложения ядра теоретических схем;

- интерпретация теоретического материала на основе методологии и гносеологии науки.

Таким образом, в любой физической теории, как фундаментальной, так и частной, выделяются основание, ядро, выводы. Основание составляют экспериментальные факты, идеализированный объект, физические понятия и величины, описывающие идеализированный объект и правила действия с ним. В ядро входят законы, постулаты, принципы, фундаментальные постоянные. К выводам теории относятся применение теории к решению конкретных задач (схема 1).

Такое структурирование учебного материала позволяет выделить в нем

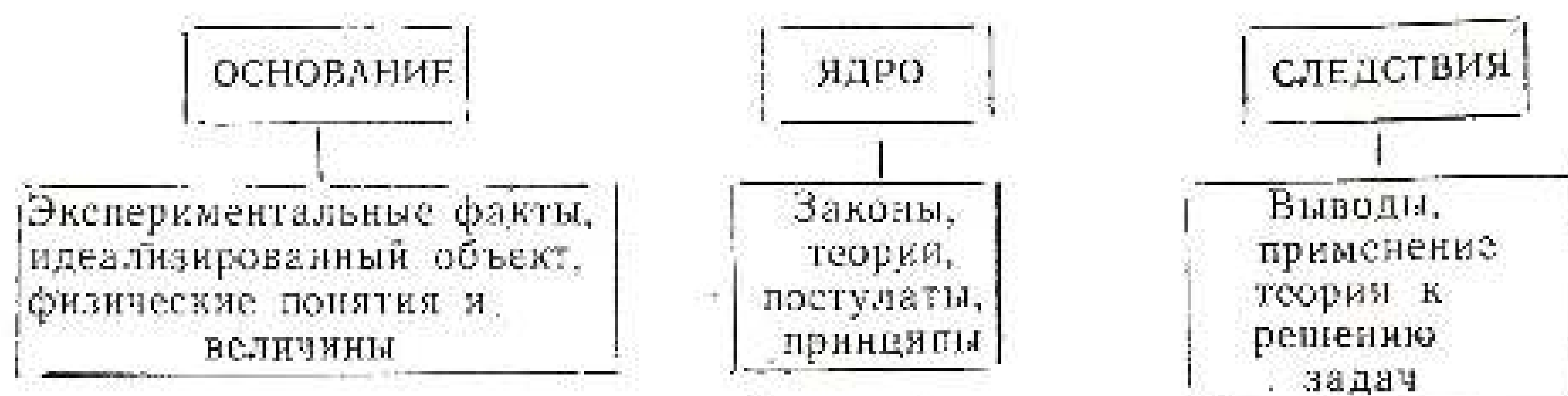

Схема 1

инвариантную и варьируемую части и определить место профессионально направленного материала. К инвариантной части относится материал, который должны знать все студенты технических вузов, изучающих физику: это прежде всего фундаментальные опыты, входящие в эмпирический базис, модели, понятия и величины, составляющие основание теории, полностью ядро теории и некоторые наиболее важные выводы и практические приложения. К варьируемой части относится материал, связанный с профессиональной подготовкой студента, а также некоторые элементы эмпирического базиса и применения теории. Именно через содержание этого материала и осуществляется принцип профессиональной направленности обучения.

Что касается основания теории, в частности ее эмпирического базиса, то помимо фундаментальных опытов, послуживших основой для выдвижения гипотез и превращения их в теории, в него входят различные экспериментальные факты, играющие ведущую роль на этапе накопления знаний. Мы

полагаем, что на этом этапе существует реальная возможность привлечения профессионального материала, связанного с будущей деятельностью специалиста, что позволит создать определенную мотивацию, пробудить интерес к изучению материала, активизировать работу студентов.

В наибольшей степени профессиональный материал может изучаться при рассмотрении следствий теорий, их практического приложения.

Помимо примеров профессионально направленного характера существуют задачи с профессиональным содержанием, профессионально направленные лабораторные работы.

Таким образом, в содержание курса физики входит инвариантный компонент, включающий главным образом ядро теорий и частично их эмпирический базис, а также варьируемый компонент, специфичный для разных учебных заведений, для различных групп профессий (схема 2). Инвариантный и варьируемый компоненты вместе образуют программу курса физики для инженерных специальностей.

Схема 2

Высказанные идеи иллюстрирует таблица, в которой для раздела «Механика» выделены частные теоретические схемы (кинематика, динамика, законы сохранения энергии), элементы их структуры, инвариантный и

варьируемый (профессионально направленный) материал. Для краткости изложения приводятся только первая из перечисленных частных теоретических схем.

Из таблицы видно, что при введе-

Частная теоретич. схема	Раздел «Механика»				
	Основания		Ядро	Следствия	
	инвариант- ная часть	варьируе- мая часть		инвариант- ная часть	варьируе- мая часть
Кинематика	Идеализи- рованный объект — материаль- ная точка, опыты Гали- лея	Движение детали в схвате руки робота, вра- щение свер- ла, движение резца, де- тали в при- способлении	Уравнения движения, принцип независи- мости дви- жений, од- нородность и изотроп- ность про- странства, однород- ность вре- мени	Нахождение кинематиче- ских уравне- ний, движе- ние точки по произволь- ной траектории, движение точ- ки по криволи- нейной траек- тории	Движение тела по наклонной плоскости, движение тела и приспособле- ния, в схва- те руки ро- бота и т. п.

нии основных понятий кинематики и динамики целесообразно наряду с историческими опытами рассмотреть примеры, связанные с профессиональной деятельностью студентов.

Таким образом, проведенный анализ структуры физического знания позволяет сформулировать следующие требования к содержанию курса физики для инженерных специальностей.

1. Курс физики должен включать инвариантный (фундаментальный) и варьируемый (прикладной) компоненты.
2. Инвариантный материал входит главным образом в основание и ядро физических теорий.
3. Варьируемый (профессионально направленный) материал входит в следствия теории, он также используется в качестве иллюстраций при формировании понятий, составляющих основание теории.
4. Содержание варьируемой части курса физики должно быть связано с содержанием профессиональной и специальной подготовки студентов.

Для определения содержания варьируемого (профессионально направленного) материала необходимо:

1) подобрать объекты и технологические операции, с которыми придется работать будущему специалисту (например, станок, деталь, инструмент, приспособления и т. д.);

2) выделить те технологические операции, при выполнении которых используются законы физики (например, поступательное движение резца, вращательное движение сверла, детали, вес станка и т. п.);

3) отобрать профессиональный материал таким образом, чтобы он четко выделял и законы физики, т. е. давал яркую картину применения того или иного закона или явления;

4) при отборе профессионального материала не допускать, чтобы он затенял материал курса физики, он должен быть вспомогательным звеном при объяснении того или иного явления или закона физики, т. е. прикладной материал должен быть тесно связан с физическими теориями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Мултановский В. В. Физические взаимодействия и картина мира в школьном курсе. М.: Просвещение, 1977. 168 с.
2. Совершенствование преподавания физики в средней школе социалистических стран. Под ред. В. Г. Разумовского. М.: Просвещение, 1985. 310 с.

3. Хижнякова Л. С. Методические основы построения процесса обучения физике в средней школе в условиях всеобщего среднего образования: Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 1986. 40 с.

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СТИМУЛИРОВАНИЕ САМОРАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКОГО ВОООБРАЖЕНИЯ СТУДЕНТОВ — БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ

Н. А. ГОРДЕЕВА, аспирант

Современные социально-экономические условия убеждают в необходимости реформирования сложившейся концепции массово-репродуктивного педагогического образования в концепцию индивидуально-творческого подхода к подготовке учителя, способного к творческому саморазвитию. В настоящее время практическая деятельность школ направлена на создание условий для самореализации школьников: появились школы-гимназии, лицей и колледжи, обеспечивающие повышенный уровень образования; введено профильное обучение с целью профессионального самоопределения школьников; частично обеспечивается включение учащихся в работу творческих объединений на основе учета их познавательных интересов.

Однако в целом социальный заказ общества — развитие творческой личности — указанные инновации сегодня обеспечивают недостаточно. Обострились старые противоречия, появились новые, обусловленные потребностью сделать школу для всех более гуманной и привлекательной, в то время как массовая школа остается авторитарной, формирующей конформистски ориентированную личность, не создающей условия для творческого проявления личности и учащегося, и педагога [1].

Для разрешения этих противоречий необходимы разработка теоретических подходов, обосновывающих модели инновационных школ, корректировка требований к подготовке педагога, профессионально компетентного, обладающего общей и методологической культурой. Все это предполагает поиск нового содержания и организационных форм образовательного про-

цесса в вузе. В контексте указанной задачи должна решаться проблема педагогического стимулирования саморазвития творческого воображения студентов — будущих учителей.

Педагогическая категория «творческое саморазвитие» достаточно полно раскрывается в трудах педагогов и психологов (Л. С. Выготский, Дж. К. Джонс, А. М. Зимичев, М. В. Кларин, Л. С. Коршунова, А. Н. Лук, Б. М. Мастеров, Р. Г. Натадзе, Р. С. Немов, Э. А. Пармон, Д. Поля, Я. А. Пономарев, И. М. Розет, Ю. В. Сенько, Е. И. Юдина и др.).

Авторы дают определение понятиям «творческое саморазвитие», «творческое воображение», выделяют приемы и предметные ситуации для их развития у обучающихся. Однако ими не дана систематика указанных приемов, недостаточно внимания уделяется творческим задачам и ситуациям, необходимым для саморазвития, в педагогике высшей школы не определены критерии оценки данного феномена, не выявлены условия педагогического стимулирования этого процесса.

Мы полагаем, что педагогическое стимулирование саморазвития творческого воображения студента будет эффективно в том случае, если: 1) осуществить рациональный отбор и систематизацию педагогических приемов, способствующих саморазвитию творческого воображения; 2) разработать адекватные им задачи и задания; 3) обосновать и экспериментально проверить совокупность критериев для диагностики целенаправленного развития творческого воображения студентов.

Нами дано обоснование сути и

педагогической специфики ведущих направлений исследования — «саморазвитие», «творческое воображение»; осуществлены отбор и систематизация приемов и средств, стимулирующих саморазвитие творческого воображения; разработаны технология его педагогического стимулирования и критерии эффективности последнего.

Решение вышеуказанных проблем

призвано вооружить будущих преподавателей научно обоснованным подходом при становлении названных выше творческих приемов — концепцией становления умений саморазвития творческого воображения, а также технологией процесса обучения этим приемам, которая может быть использована преподавателями в их практической деятельности.

* * *

1. Давыденко Т. М., Рогачева Н. А. Адаптивная общеобразовательная школа // Инновационные процессы в образовании: Проблемы и перспективы: Сб. тез. Всерос. конф.

«Инновационные процессы в образовании: проблемы и перспективы». Орел, 1996. С. 83 — 87.

Энциклопедия в журнале

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПЛАНА-ПРОСПЕКТА «МОРДОВСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ»

В. С. ЛУНИН, кандидат исторических наук

Создание любой универсальной национально-региональной энциклопедии предполагает разработку ее плана-проспекта. В нем определяется тематическая структура, распределяются примерные пропорции, объемы энциклопедических статей и иллюстративного материала по различным отраслям знаний о том или ином регионе, народах, проживающих на его территории. И от того, насколько тщательно продуманы и решены данные вопросы, в значительной степени зависят качество и сроки будущего энциклопедического справочника [16, с. 68].

План-проспект «Мордовской энциклопедии», работа над которым велась в течение нескольких лет в отделе энциклопедии НИИЯЛИЭ при Правительстве Республики Мордовия, учитывает, во-первых, основной замысел,

задачи и читательский адрес издания [15, с. 32 — 34], т. е. то, что определяется понятием «концепция энциклопедии» [26, с. 68]. Во-вторых, был принят во внимание соответствующий исторический опыт отечественной энциклопедистики. Известно, что в самых крупных дореволюционных российских универсальных энциклопедиях и энциклопедических словарях (Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, братьев Гранат и др.) основное внимание читателей, как правило, концентрировалось на исторической, литературной и искусствоведческой тематике [9, с. 57; 26, с. 116]. В советское время «культурологический» подход стал рассматриваться как существенный недостаток энциклопедических изданий и даже порицаться [26, с. 69]. В соответствии с практическими задачами «социалистического строитель-

ства» и некоторыми общемировыми тенденциями, связанными с тягой к материалистическому мировоззрению, с установкой «не ждать милостей от природы», центр тяжести в отечественных энциклопедиях был перенесен на естественные и точные науки, технику, промышленность и сельское хозяйство. В первом издании БСЭ, выходявшей массовым тиражом с 1926 по 1947 г., на литературно-художественные статьи (включая языковедение) приходится 11,8 % от всего объема, на философские — 4,3, на технические — 6,6 % [26, с. 116, 117].

Устойчивый интерес к естественно-научной, физико-технической и математической проблематике сохранялся и в последующих изданиях БСЭ [16, с. 34]. И лишь на рубеже 80 — 90-х годов ситуация стала меняться, о чем свидетельствовало, в частности, общественное обсуждение четвертого издания однотомного Советского Энциклопедического Словаря в издательстве «Советская энциклопедия» (ныне «Большая Российская Энциклопедия»). Многие выступавшие особо подчеркивали необходимость переработки данного словаря по линии его гуманизации и гуманитаризации [17, с. 27, 28]. Важно заметить, что в универсальных национально-региональных энциклопедиях, опубликованных в бывших союзных республиках СССР, эта тенденция стала утверждаться даже раньше, чем в соответствующих общесоюзных изданиях. Так, из 15 700 статей пятитомной краткой энциклопедии «Белорусская ССР», изданной в 1979 — 1982 гг., гуманитарной тематике вместе с персоналиями было посвящено более 72 % всех статей [1, с. 5].

С учетом новейших подходов отечественной методики составления универсальных энциклопедий и энциклопедических словарей план-проспект «Мордовской энциклопедии» предусматривает написание около 1 100 обзорных и тематических статей об истории и культуре Мордовии и мордов-

ского народа, что составляет 33,4 % от общего количества запланированных статей и примерно 42 % объема текстового материала [20].

Особое место в «Мордовской энциклопедии» займут персоналии многих видных государственных, общественно-политических, военных деятелей, предпринимателей, просветителей, учителей, ученых, писателей, художников, актеров, композиторов, врачей, народных умельцев и т. д. — уроженцах Мордовии, мордве по национальности; о российских и зарубежных деятелях, чья жизнь была тесно связана с историческими судьбами мордовского края и мордовского народа. Всего планом-проспектом запланировано примерно 1 340 биографических статей, или около 41 % от их общего количества [20, с. 24 — 27]. Заслуженные учителя, работники промышленности и сельского хозяйства Мордовии и другие лица будут представлены в специальных приложениях к энциклопедии. Повышенное внимание к личности не только соответствует теории культурно-исторического процесса [6; 7, с. 265], но и находится в русле сложившейся методики подготовки универсальных национально-региональных энциклопедий. К примеру, в краткой энциклопедии «Белорусская ССР» персоналии составляют 26,9 % всех статей [1, с. 5]; в краткой энциклопедии «Литва» — 37,2 % [13, с. 6]. Исключение в этом плане представляет энциклопедия «Советская Латвия», составленная в тематическом варианте без специальных биографических статей [23].

Приоритет культурно-исторической тематики и персоналий в «Мордовской энциклопедии» не означает забвение других сфер развития Мордовии, особенно ее природы, которая, как известно, является одной из основных объективных сил, формирующих различные сочетания «общественных элементов» [10, с. 40, 49]. Поэтому планом-проспектом предусматривается подготовка более 418 обзорных и

тематических статей о геологическом строении Мордовии, ее рельефе, почвах, климате, растительном и животном мире, экологии и т. п. В целом эта проблематика займет около 8 % всего текстового материала. Более 240 статей будут ретроспективно освещать социально-экономическое и демографическое развитие Мордовии, ее политическое устройство, представлять города и крупные села, в том числе в мордовской диаспоре.

Сложной проблемой при разработке плана-проспекта «Мордовской энциклопедии» оказалось определение оптимального соотношения между историей и современностью. Традиционно в советских универсальных энциклопедиях и энциклопедических словарях преимущественное внимание уделялось изложению материалов о настоящем нашей страны. Такой односторонний подход, коренящийся не только в условиях политического режима 30 — 70-х годов с его тотальным контролем над всеми областями духовной жизни общества [24], но и в особенностях массового общественного сознания того времени [26, с. 65], порождал в энциклопедической литературе «белые пятна» в освещении прошлой истории, игнорирование или чрезмерную идеологизацию оценок и характеристик государственных, политических, религиозных деятелей, писателей, философов, историков и т. д. Так, по справедливому замечанию одного из исследователей биографии О. Ю. Шмидта, «видя в людях труда главных носителей цивилизации, а в революционерах — «кормчих» истории, создатели БСЭ до минимума свели в своем издании (речь идет о первом издании БСЭ. — В. Л.) число прежних героев — императоров, полководцев, священнослужителей, святых и т. д., заменив их героями свободомыслия и мятежа» [26, с. 62]. Такая же примерно практика проводилась до недавнего времени и в региональных энциклопедических издательствах. Например, из 1 812 персоналий краткой энциклопе-

дии «Белорусская ССР» более 90 % относилось к истории революционного движения, хозяйственного строительства и общественно-политического развития советского периода [1, с. 6].

Стремясь избежать подобных крайностей, при составлении плана-проспекта «Мордовской энциклопедии» была предпринята попытка учесть равноценность всех моментов исторического бытия и его непрерывность, которую, как считал Л. П. Карсавин, недопустимо отрицать даже при отношении всякой исторической индивидуальности к «...Божеству как высшей ценности» [8, с. 168]. Конкретно это выразилось в стремлении объективно и беспристрастно распределить тематические энциклопедические статьи по всем основным этапам культурно-исторического развития мордовского края и мордовского народа. Наибольшие сложности при этом возникли с отбором персоналий. Во всех тематических разделах плана-проспекта перевес пока за современными деятелями. И это не случайно. До недавнего времени ученые-историки и краеведы мало внимания обращали на изучение дореволюционной истории мордовского края как «...процесса деятельности личностей, сознательно ставящих себе цели и эти цели преследующих» [6, с. 6]. В результате этого многие достойные имена (администраторов, купцов, предпринимателей, священнослужителей и т. д.) вольно или невольно оказались забытыми. Правда, в последние годы в этой области наметились позитивные сдвиги, которые, на наш взгляд, уже в определенной степени отразились в статьях В. К. Абрамова, Е. И. Бакзева, А. И. Геращенко, А. Д. Дерова, Н. Ф. Мокшина, Е. Г. Осипского, Л. Г. Филатова, В. А. Юрченкова и некоторых других авторов биографического сборника «История Мордовии в лицах» [5].

Однако краеведческий поиск продолжается. Не вызывает сомнений,

что в ходе его будет выявлено немало интереснейших биографических материалов, использование которых в «Мордовской энциклопедии» позволит создать более полную картину общественного и культурного развития Мордовии и мордовского народа.

Значительные трудности при разработке плана-проспекта «Мордовской энциклопедии» возникали также в связи с необходимостью сочетания в структуре и содержании энциклопедии национального (мордовского) и инонационального компонентов. Еще при составлении «Генерального словника "Мордовской энциклопедии"» [2] высказывалось мнение о «целесообразности» включения в энциклопедию лишь мордовской проблематики и персоналий людей коренной национальности. Несмотря на то, что в процессе общественного обсуждения словника данная точка зрения не нашла поддержки, она до сих пор имеет своих правых, многочисленных сторонников, хотя ее теоретическая и конкретно-историческая несостоятельность, по нашему мнению, совершенно очевидна. Еще в начале XX века известный российский историк Н. И. Кареев, разрабатывая основные вопросы философии истории, отмечал, что в законном и справедливом стремлении показать оригинальность и самобытность национальной истории необходимо соблюдать меру, «...т. е. не отрицать того, что многое в жизни народов является результатом влияния... со стороны других народов» [7, с. 184].

Мордовский народ, как известно, не является в этом плане исключением. Не только при формировании, но и в процессе всего своего исторического развития «...он находился в генетических и культурных связях с другими этносами, и его самобытная культура, как материальная, так и духовная, аккумулировала компоненты многих культур, творчески перерабатывая их» [19, с. 32]. Об этом свидетельствует и богатый эмпирический материал, собранный и проанализированный археологами [3; 21], этногра-

фами [14; 25], историками [4], лингвистами [22]. Широкое признание в нашей республике имеет вклад русских деятелей (Дамаскина, Л. И. Воинова, А. А. Гераклитова, Н. И. Ильминского, К. А. Макарова, Ф. В. Сычкова и др.) в просвещение мордовского народа, в создание и развитие мордовского языкознания, литературы, искусства, исторической науки и т. д.

В целом примерно 60 % всех запланированных статей «Мордовской энциклопедии» (включая и персоналии) будет связано с историей и культурой мордовского народа. Для сравнения: национально-культурная тематика в 11 томах универсальной «Белорусской Советской Энциклопедии» занимает 40 % общего объема [16, с. 73], в 8-томной универсальной «Эстонской Советской Энциклопедии» — 22 — 24 % [16, с. 86].

В этой связи следует заметить, что, несмотря на повышенный интерес в последние годы к этнической истории и культуре в бывших союзных республиках [12, с. 47, 48], вряд ли когда-нибудь будут созданы «чисто национальные» универсальные энциклопедии или энциклопедические словари. В конечном счете это противоречило бы логике культурно-исторического процесса. «Успехи людского общежития, приобретения культуры или цивилизации, которыми пользуются в большей или меньшей степени отдельные народы, ... писал В. О. Ключевский, — не суть плоды только их деятельности, а созданы совместными или преемственными усилиями всех культурных народов и ход их накопления не может быть изображен в тесных рамках какой-либо местной истории» [10, с. 35 — 36].

Обеспечение гармоничного сочетания национального и инонационального материала — непростая и по-особому деликатная задача, стоящая перед главной редакционной коллегией и 26 научно-отраслевыми редакциями «Мордовской энциклопедии». Следует иметь в виду, что она затрагивает на-

национальное самосознание и гордость народов Мордовии, их «тщеславие», которое, как и у любой нации, в научно-познавательной области всегда проявляется в стремлении изображать свою национальную историю «...в наиболее выгодном свете» [11, с. 67].

Чтобы избежать национального и иного субъективизма в «Мордовской энциклопедии», необходимо, по нашему мнению, не только умело применять современную, научно выверенную методику отбора и написания энциклопедических статей, подготовки иллюстративного материала, но и активно привлекать к работе над изданием научные, культурные, государственные и общественные организации, отдельные лица через внештатное редактирование, рецензирование и консультирование. Об этом свидетельствуют

в частности, итоги общественного обсуждения и генерального словника, и плана-проспекта «Мордовской энциклопедии», и биографического сборника «История Мордовии в лицах», в ходе которого было высказано немало конструктивных замечаний, касающихся пропуска (или неоправданного включения) тех или иных имен, терминов, научной полноты и справочной достоверности сообщаемой информации и т. д. Строгий учет и внимательный анализ всех поступивших замечаний и предложений позволят не только повысить информативность энциклопедии, но и усилить ее объективность, являющуюся главным условием долговременного использования читателем любого справочно-энциклопедического издания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Белорусская ССР: Краткая энциклопедия: В 5 т. Минск: Изд-во «Бел. Сов. Энцикл.», 1981. Т. 5. 740 с.
2. Генеральный словник «Мордовской энциклопедии» (для общественного обсуждения). Саранск, 1992. 236 с.
3. Жиганов М. Ф. Память веков: Изучение археологических памятников мордовского народа за годы Советской власти. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1976. 136 с.
4. Заварюхин Н. В. Очерки по истории мордовского края периода феодализма. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1993. 296 с.
5. История Мордовии в лицах: Биограф. сб. Саранск, 1994. 242 с.
6. Кареев Н. И. Сущность исторического процесса и роль личности в истории. 2-е изд., с доб. СПб., 1914. 574 с.
7. Кареев Н. И. Историка (теория исторического знания). 2-е изд. Пг., 1916. 281 с.
8. Карсавин Л. П. Философия истории. СПб.: АО «Комплект», 1993. 402 с.
9. Кауфман И. М. Русские энциклопедии: Библиография и краткие очерки. М., 1960. 103 с.
10. Ключевский В. О. Курс русской истории // Сочинения: В 9 т. М., 1987. Т. 1. 430 с.
11. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. 485 с.
12. Костюк М. П. Современные подходы к историческим исследованиям и национальная концепция истории Белоруссии // Методологические проблемы исторической науки. Минск, 1993. С. 43 — 48.
13. Литва: Краткая энцикл. / Гл. ред. энцикл. Лит. ССР. Вильнюс, 1989. 672 с.
14. Лузгин А. С. В тесном соседстве: хозяйство и материальная культура русского населения Мордовии: Историко-этнографические очерки. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1988. 188 с.
15. Лунин В. С. Мордовская энциклопедия // Центр гуманитарных наук Мордовии. Саранск, 1992. С. 28 — 36.
16. Методические материалы по подготовке и изданию советских энциклопедий. М.: Сов. энцикл., 1981. Вып. XV. 105 с.
17. Методические материалы по подготовке и изданию советских энциклопедий. М.: Сов. энцикл., 1991. Вып. XXVIII. 44 с.
18. Методические указания для редакторов БСЭ. М.: Сов. энцикл., 1969. 302 с.
19. Мокшин Н. Ф. Мордовский этнос. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1989. 160 с.
20. Мордовская энциклопедия: План-проспект (для обсуждения). Саранск, 1994. 33 с.
21. Петербургский И. М. К вопросу об экономических связях мордвы в I — начале II тысячелетия нашей эры // Материалы по археологии Мордовии. Саранск, 1976. С. 127 — 141. (Тр. НИИЯЛИЭ. Вып. 52.)
22. Поляков О. Е. Русский язык в жизни мордовского народа. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1988. 72 с.
23. Советская Латвия: Латв. Сов. Энцикл. Рига: Латв. Сов. Энцикл., 1985. 816 с.
24. Энциклопедия — это зеркало эпохи // Кн. обозрение, 1995. № 11. С. 12.
25. Этнокультурные связи мордвы. Док-

ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

М е д и ц и н а

АНТИАРИТМИЧЕСКИЕ И ГЕМОДИНАМИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ РИТМИДАЗОЛА

Н. Ю. ЛЕЩАНКИНА, клинический ординатор,
Л. К. ФЕДОТКИНА, кандидат медицинских наук,
А. А. СНАСОВ, доктор медицинских наук,
И. Я. КОСТИНА, клинический ординатор

Одним из наиболее частых осложнений, ухудшающих течение и прогноз при хронической недостаточности кровообращения (ХНК), являются нарушения ритма сердца [5, 8], встречающиеся, по данным литературы [1, 2, 3], в 30—87 % случаев. Лечение аритмий у больных с ХНК — сложная и до настоящего времени не решенная проблема. Известно, что практически все антиаритмики обладают кардио-депрессивным действием [4, 9], что ограничивает их применение у больных с угнетенной насосной функцией сердца. Нежелательным является снижение гемодинамических показателей, что может привести к декомпенсации сердечной деятельности [4, 6]. Поэтому проблема поиска новых препаратов, обладающих высокой антиаритмической активностью и не снижающих сократительную способность миокарда, является весьма актуальной.

В настоящей работе представлены результаты клинических испытаний нового антиаритмика — ритмидазола. Были изучены его антиаритмические свойства, а также влияние на гемодинамические показатели.

Ритмидазол вводили 84 больным с различными нарушениями ритма в возрасте от 18 до 77 лет. По характеру нарушений ритма больные представлены следующим образом: у 44 была мерцательная аритмия (в том числе у 37 — пароксизмальная, а у 7 — постоянная форма), у 7 — трепетание предсердий, у 3 — сочетание мерцания и трепетания предсердий, у 10 — пароксизмальная наджелудочковая тахикардия, у 3 — синусовая тахикардия, у 15 — желудочковая экстрасистолия (градация II — V по Лауну), у 2 — предсердные экстрасистолы. По характеру основного заболевания больные распределились следующим образом: у 64 — ИБС (в том числе инфаркт миокарда — у 10), у 1 — ревматизм, у 6 — дилатационная кардиомиопатия, у 7 — миокардиодистрофия различного генеза, у 6 — ИЦД по корональному типу. Недостаточность кровообращения (НК) диагностирована у 68 пациентов, в том числе I степени — у 49, IIА — у 12, IIБ — у 7.

Ритмидазол вводили в/в в дозах 250—350 мг. Контроль за действием препарата осуществлялся мониторингом

наблюдением в течение 3 ч после введения, использовалось холтеровское мониторирование. Эффективность препарата оценивалась по купирующему влиянию на пароксизм аритмии в течение 30 мин после введения; у больных с экстрасистолиями положительным эффектом считалось подавление экстрасистол на 75 % и более. АД измерялось по методу Короткова до введения препарата и через 5, 10, 20, 30, 45, 60 мин после него. Изменение основных гемодинамических показателей под влиянием ритмидазола было изучено на 23 больных при использовании метода тетраполярной грудной реографии по Кубичеку. У них диагностированы также различные степени НК: у 20 — I, у 3 — IIА. Гемодинамические параметры: ударный индекс (УИ), сердечный индекс (СИ), рабочий индекс левого желудочка (РИЛЖ), общее периферическое сопротивление (ОПСС), систолическое АД (АДс), диастолическое АД (АДд), частота сердечных сокращений (ЧСС) — регистрировались до введения препарата и через 5, 10, 20, 30, 45 мин после него.

Как показали проведенные исследования, ритмидазол проявил наибольшую антиаритмическую активность при купировании пароксизмальной мерцательной аритмии (положительный эффект был отмечен в 31 случае из 37 — в 83,8 % случаев) и пароксизмальной наджелудочковой тахикардии (6 случаев из 10 — 60 %). Лишь у 2 больных из 7 удалось купировать трепетание предсердий, но у остальных 5 было неэффективно также введение новокаинамида, изоптина и кордарона. Ритм был восстановлен в 1 случае хинидином, в 4 — электрической дефибрилляцией. У больных с экстрасистолиями положительный эффект был получен только при предсердных экстрасистолиях, при желудочковых же ритмидазол временно подавлял экстрасистолы в 24 % случаев.

При введении ритмидазола АД не претерпевало существенных измене-

ний. У больных с изначально повышенным АД (19 наблюдений) в первые минуты наблюдалось небольшое снижение как систолического (в среднем на 15 — 20 мм рт. ст.), так и диастолического (в среднем на 5 — 10 мм рт. ст.) АД. У пациентов с исходно нормальными и низкими его показателями после введения ритмидазола не отмечено его падения.

Основные характеристики сократительной способности сердца — УИ, СИ, РИЛЖ — после введения ритмидазола не ухудшились, наоборот, отмечено улучшение насосной функции сердца (табл.) Так, через 5 мин после введения ритмидазола УИ возрос в среднем на 38,2 % ($p < 0,01$), достоверно достигнув максимума (увеличение на 44,7 %) к 10-й минуте. В течение 20 мин УИ сохранялся примерно на одном уровне, а затем начал снижаться, достигая первоначальных значений к 30 — 45-й минуте. ОПСС, наоборот, имело тенденцию к снижению в первые минуты после введения ритмидазола и достигало минимальных значений к 10-й минуте — уменьшение в среднем на 14,4 % по сравнению с исходными ($p < 0,05$). Затем ОПСС вновь нарастает, достигая первоначальных значений к 30 — 45-й минуте.

Известно, что у больных с ХНК снижаются УО, МОК и повышается ОПСС. Так называемая централизация кровообращения, когда происходит нарастание ОПСС и уменьшение мышечного кровоснабжения конечностей в ответ на снижение УО и МОК, является компенсаторной реакцией организма, направленной на улучшение кровоснабжения жизненно важных органов [7]. Тот факт, что у большинства больных после введения ритмидазола показатели гемодинамики улучшились, представляет дополнительные возможности для лечения больных с недостаточностью кровообращения.

У 4 больных в первые 5 — 10 мин после введения препарата УИ и СИ снизились по сравнению с исходными

Влияние ритмидазола на показатели гемодинамики

Т а б л и ц а

Показатель	Изменение показателей гемодинамики под влиянием ритмидазола				
	до введения	через 5 мин	через 10 мин	через 20 мин	через 30 мин
УИ, мл/м ²	33,95 ± 3,41	46,92 ± 5,72	49,14 ± 5,81**	47,83 ± 4,31**	44,52 ± 5,54
СИ, л/ (мин · м ²)	2,29 ± 0,17	2,92 ± 0,31	2,94 ± 0,30*	2,67 ± 0,25	2,58 ± 0,28
УО, мл	61,30 ± 6,23	82,80 ± 10,70	86,3 ± 10,0*	84,10 ± 8,10*	82,20 ± 11,10
МОК, л/мин	4,02 ± 0,27	5,53 ± 0,58**	5,32 ± 0,56**	4,91 ± 0,41	4,69 ± 0,56
РИЛЖ, кг/м ²	3,25 ± 0,25	3,99 ± 0,38	4,12 ± 0,42*	3,84 ± 0,36	3,51 ± 0,29
ОПСС, дин · с · см ⁻⁵	2169,90 ± 135,50	1759,60 ± 188,10*	1857,60 ± 229,00*	1825,60 ± 212,10	2155,60 ± 288,40
АДс, мм рт. ст.	148,30 ± 4,60	140,10 ± 2,30	136,20 ± 4,10*	136,80 ± 2,30	140,20 ± 3,10*
АДд, мм рт. ст.	87,60 ± 1,40	84,30 ± 2,40	79,60 ± 1,80*	80,20 ± 2,40*	83,50 ± 2,10
ЧСС, в мин	64,80 ± 1,50	62,50 ± 1,20	56,30 ± 3,40*	58,30 ± 3,40	59,60 ± 1,50**

Примечания: * — $p < 0,05$, ** — $p < 0,01$.

значениями в среднем на 36,2 и 47,7 % соответственно. У них также отмечалось ухудшение самочувствия: головокружение, общая слабость, падение АД (минимальные значения 80/50 мм рт. ст.).

Ухудшение сократительной способности миокарда и самочувствия у этих больных, вероятно, объясняется тем, что препарат им вводили слишком быстро — в среднем за 48 ± 8 с. В дальнейшем инъекции осуществляли медленнее (в среднем за 120 ± 15 с) и побочных эффектов практически не было.

Очевидно, ускоренное нарастание концентрации ритмидазола у некоторых больных обуславливает его кардиодепрессивный эффект, что должно

учитываться при практическом применении препарата.

Таким образом, проведенные исследования показали, что ритмидазол является достаточно эффективным антиаритмическим средством. Наибольшую эффективность он проявил при купировании пароксизмальной мерцательной аритмии и пароксизмальной наджелудочковой тахикардии. В отличие от многих антиаритмиков этот препарат не обладает кардиодепрессивным действием. Улучшение насосной функции сердца под влиянием ритмидазола представляет практический интерес и заслуживает дальнейшего изучения при лечении аритмий у больных с недостаточностью кровообращения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Брахмани Н., Шмитт К., Байер Т. и др. Антиаритмические препараты при сердечной недостаточности // Кардиология. 1982. № 4. С. 38 — 40.
2. Вангели Р. С., Наумов В. Н., Григорьяни Р. А. и др. Оценка ритма сердца у больных с дилатационной кардиомиопатией по данным суточного мониторирования ЭКГ // Кардиология. 1985. № 5. С. 44 — 48.
3. Габусенко С. А., Наумов В. Н., Ходжакулиев Б. Г. и др. Влияние дигоксина на желудочковые нарушения ритма у больных с сердечной недостаточностью // Кардиология. 1992. № 4. С. 20 — 24.
4. Каверина Н. В. Современные аспекты поиска и доклинического изучения антиаритмических средств // Кардиология. 1986. № 8. С. 5 — 9.
5. Мареев В. Ю., Казей Д. В., Агеев Ф. Т. Влияние периферических вазодилататоров на нарушения ритма сердца у больных с хронической сердечной недостаточностью // Кардиология. 1992. № 4. С. 30 — 35.
6. Сметнев А. С., Гросу А. А., Шевченко Н. М. Диагностика и лечение нарушений ритма сердца. Кишинев: Штиинца. 1990. 326 с.
7. Чазов Е. И., Боголюбов В. М. Нарушения ритма сердца. М.: Медицина, 1972. 246 с.
8. Klein G. G. An approach to therapy for paroxysmal supraventricular tachycardia. // Am J. Cardiol. 1989. Vol. 61. P. 77A — 82A.
9. Lown B. Sudden cardiac death: biobehavioral perspective. // Circulation. 1987. Vol. 76, Suppl. Pt. 2, № 1. P. 186 — 196.

ЭСТЕЗИОНЕЙРОБЛАСТОМА ПОЛОСТИ НОСА

Н. А. ПЛОТНИКОВА, кандидат медицинских наук

Эстеziонейробластома — довольно редко встречающаяся опухоль — впервые описана Л. Бергером в 1924 г. В отношении ее гистогенеза нет единого мнения, однако большинство исследователей считают, что ее происхождение связано с обонятельными нервными рецепторами [1]. При этом одни высказывают мнение о возникновении эстеziонейробластомы из эмбриональных клеток обонятельной плакиды, а другие полагают, что источником ее развития является обонятельная слизистая оболочка [2]. Опухоль чаще локализуется в задней и верхней стенках носовой полости, в процесс могут вовлекаться и носовые пазухи [4]. Клиническая картина эстеziонейробластомы сводится к следующему: больные жалуются на затруднение носового дыхания, многократные носовые кровотечения, головную боль, возможна деформация лица. Опухоль может развиваться в любом возрасте, при этом наибольшей злокачественностью отличаются эстеziонейробластомы у детей [5].

Анализ литературы свидетельствует, что гистологическая картина опу-

холи значительно варьирует. Исходя из этого мы сочли целесообразным проанализировать данные световой и электронной микроскопии трех собственных наблюдений и обсудить некоторые вопросы дифференциальной диагностики.

Исследованы три эстеziонейробластомы у двух мужчин в возрасте 32 и 37 лет и у одной женщины 35 лет. Клиническими проявлениями опухоли были головные боли, затруднение носового дыхания, носовые кровотечения. Опухоли удалены хирургически. Через 1,5 года после операции двое больных не имеют рецидивов и метастазов, у одного опухоль рецидивовала через 2,5 года и была повторно удалена. Через 2 года после повторной операции пациент чувствует себя хорошо, не имеет рецидивов и метастазов.

Световая микроскопия. При гистологическом исследовании ткань опухоли была представлена мезоморфными клетками с ядрами овальной или округлой формы. Иногда встречались более крупные клетки. Они располагались в основном беспорядочно, места-

ми формировали псевдорозетки в виде венчика, в центре которого определялась нежнотоволокнистая субстанция. Аргирофилия и аргентофилия не выявлены.

Электронная микроскопия. Во всех наблюдениях встречались опухолевые клетки, структура которых подобна таковой нейробластов. Многие клетки имели отростки. В цитоплазме и отростках части клеток наблюдались гранулы нейросекреторного типа. Что касается оргanelл нейробластоподобных клеток, то в цитоплазме постоянно присутствовали рибосомы, митохондрии, цистерны шероховатого эндоплазматического ретикулума. В двух наблюдениях отмечались большое число промежуточных филаментов и единичные микротрубочки.

Взаимосвязь между микроскопическим строением и клиническим поведением опухолей отсутствует. При ранней диагностике пятилетняя выживаемость достигает 75 %, при позд-

ней — 40 — 60 % [6]. Дифференциальный диагноз следует проводить с лимфомами, анапластическим раком, саркомами [3, 4]. Самый важный диагностический признак, свидетельствующий о дифференцировке клеток в направлении нейробластов, — наличие нейритоподобных ясточных отростков и нейросекреторных гранул, выявленных при электронно-микроскопическом исследовании [2, 4]. Анапластический рак может быть диагностирован на основании обнаружения железистых образований, выявления признаков секреции. Клетки злокачественной лимфомы не имеют нейросекреторных гранул, нейритоподобных отростков. В рабдомиосаркомах отмечаются тонкие и толстые миофиламенты, поперечная исчерченность. В клетках сарком другого генеза никогда не выявляются нейросекреторные гранулы, однако могут наблюдаться гранулы гликогена.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Быстрова В. В. Эстезионевробластома полости носа // Арх. патологии, 1956. № 5. С. 60 — 63.
2. Головин Д. И. Ошибки и трудности диагностики опухолей. Л.: Медицина. Ленингр. отд-ние, 1982. 305 с.
3. Головин Д. И., Двораковская И. В. Опухоли носа и придаточных пазух. Л.: Медицина. Ленингр. отд-ние, 1972. 94 с.
4. Катенкамн Д., Филиппова Н. А., Райхлин Н. Т. Эстезиобластома // Арх. патологии, 1988. № 12. С. 12 — 17.
5. Штиль А. А., Шульга И. А. Эстезиобластома полости носа // Вестн. оторинолар., 1985. № 6. С. 40 — 42.
6. Moreno R. R., Lopez S. J., Rene B. G. et al. Estesioneuroblastoma. Reporte de un caso y revision de la literatura // An. Soc. mex. Otorhinolaryngol. 1991. Vol. 36, № 2. P. 137 — 141.

ИЗУЧЕНИЕ СВЯЗИ МЕЖДУ УРОВНЕМ ПРОСТАЦИКЛИНА И ТРОМБОКСАНА В КРОВИ ОПУХОЛЕНОСИТЕЛЕЙ И ХАРАКТЕРОМ СПОНТАННОГО МЕТАСТАЗИРОВАНИЯ КАРЦИНОМЫ ЛЕГКИХ ЛЬЮИС

Н. И. МИКУЛЯК, ассистент,
А. С. КИНЗИРСКИЙ, доктор медицинских наук,
Н. С. РУСЕЙКИН, кандидат медицинских наук,
И. В. СВЕТЛИКОВА, кандидат медицинских наук,
Т. Б. ЗАСЫПАЛОВА, ассистент

В последние годы возрос интерес исследователей к вопросу о роли циклооксигеназных продуктов ненасыщенных жирных кислот в развитии опухолевого процесса. Известно, что некоторые из этих соединений, высокий уровень синтеза которых характерен для многих опухолей человека и животных [1, 2], обладают выраженным иммуносупрессивным действием [4] и в то же время способностью ингибировать рост опухолевых клеток [3].

Роль простагландинов (ПГ), прежде всего ПГЕ₂, ПГФ_{2α}, ТХВ₂ и 6-кето-простациклина, в процессах спонтанного метастазирования карциномы LLC мало изучена. Не исследовалась реакция организма опухоленосителей на повышенный уровень отдельных ПГ, синтезируемых опухолевой тканью. В литературе практически не освещен вопрос о возможности выработки естественных антител (сАТ) к ПГ. С точки зрения представлений о гомеостатической функции сАТ связывание активных регуляторных молекул с сАТ могло бы влиять на их активную концентрацию в организме и, следовательно, на соответствующие физиологические процессы.

Эксперименты проводились на мышак-самках линии С₅₇В₆ массой 19—23 г и кроликах породы шиншилла. Всего использовано 283 животных.

Простагландины выработаны на опытном заводе органического синтеза и биопрепаратов г. Таллина, простациклин — на МИ «Аспид» в Москве.

Определение уровня спонтанного связывания ТХВ₂ в сыворотке крови мышей С₅₇В₆ проводили на 8, 14, 21-е сутки эксперимента. Сыворотку крови использовали в качестве источника антител. Связывание ТХВ₂ с сАТ оценивали в экспериментальных группах. Первую составили интактные животные, у которых показатели связывания отдельных простагландинов принимали за 100 %. Вторая группа состояла из мышей-опухоленосителей, третья — из мышей после хирургического удаления опухоли на 8-е сутки после перевивки первичного опухолевого узла. Осуществлялась подкожная трансплантация LLC. В конце эксперимента (21-е сутки) у животных II и III групп подсчитывали число метастатических колоний в легких.

Установлено, что связывание ТХВ₂ на 8-е сутки опухоленосительства было на 20 % ниже по сравнению с I группой. К 14-му дню наблюдалось незначительное, а к 21-му — двукратное повышение связывания ТХВ₂ с антителами сыворотки опухоленосителей. Хирургическое удаление первичного опухолевого узла приводило к существенному снижению связывания ТХВ₂, что свидетельствовало о падении титра антител против ТХВ₂, что в свою очередь позволяет предположить, что и концентрация ТХВ₂ в крови на этот период снижалась.

Наши результаты подтверждают ранее выдвинутую гипотезу о том, что опухолевые клетки могут изменять ТХВ₂/ПГ₂, приводя к агрегации тром-

Таким образом, выполненные исследования позволили установить, что важным патогенетическим фактором, способствующим стимуляции диссеминации опухолевых клеток для карциномы легких Льюис, является продукция простагландинов ТХВ₂; в организме опухоленосителей в ответ на повышенный уровень простагландинов происходит активизация синтеза сАТ.

4. Yond M. R., Diser M. Enhancement of immune function and tumor growth inhibition by antibodies against prostaglandin E2 // Immunological communication. 1983. № 12. P. 11—23.

ний Лагранжа второго рода, замкнутое выбранным управлением.

Воспользуемся постановкой задачи об управляемости, предложенной в работе [1]. Пусть точка x_0 переводится за бесконечное время в точку x_1 управлением $u \in K_0$, $x(t; 0, x_0, u)$ — соответствующее программное движение. Тогда $\lim_{t \rightarrow +\infty} x(t; 0, x_0, u) = x_1$. Отсюда сле-

дует, что для $\forall \varepsilon > 0$ существует число $T = T(\varepsilon, u) > 0$ такое, что $\|x(t; 0, x_0, u) - x_1\| < \varepsilon$, как только $t \geq T$. Иными словами, движущаяся точка начиная с некоторого момента времени T попадает в ε — окрестность точки x_1 и не выходит оттуда при всех $t \geq T$.

Для нас представляет интерес случай, когда движение механической системы может быть описано дифференциальными уравнениями, приводимыми к нормальному виду:

$$\dot{x} = f(t, x, u),$$

для которых имеется хорошо развитая теория [1 — 8 и др.].

В настоящей работе рассматривается проблема приведения к нормальному виду уравнений движения управляемых механических систем, описываемых уравнениями Лагранжа второго рода.

Рассмотрим голономную механическую систему с n степенями свободы, описываемую обобщенными координатами $q \in R^n$ и обобщенными скоростями $\dot{q} \in R^n$, которая находится под действием потенциальных, гироскопических и некоторых дополнительных сил. Этой системе будет соответствовать кинетическая энергия вида $T \in C^{(2)}(J, +\infty[\times \Omega \times R^n, R)$, где Ω — некоторая область (открытое связное множество) из R^n . Функция T — полином второй степени относительно $\dot{q}$, часто записывается в виде $T = T^{(2)} + T^{(1)} + T^{(0)}$ или

$$T(t, q, \dot{q}) = 1/2 \dot{q}^T A(t, q) \dot{q} + b(t, q)^T \dot{q} + d(t, q), \quad (1)$$

где A — $(n \times n)$ -матрица; b — $(n \times 1)$ -матрица; d — скаляр. Все они определены на $J, +\infty[\times \Omega$, кроме того, будут представляться функциями класса $C^{(1)}$.

Потенциальная энергия представляет собой функцию $U \in C^{(1)}(J, +\infty[\times \Omega, R)$ и будет записываться в виде

$$U(t, q) = 1/2 q^T C(t) q + R(q), \quad (2)$$

где $C(t)$ — $(n \times n)$ -симметрическая матрица, а $\frac{\partial R / \partial q}{\|q\|} \rightarrow 0$ при $q \rightarrow 0$.

Кроме того, $U(t, 0) = 0$ и $\frac{\partial U}{\partial q}(t, 0) = 0$.

Пусть гироскопические силы $Q_r \in C^{(1)}(J, +\infty[\times R^n, R)$ будут иметь вид

$$Q_r = Q_r(t, \dot{q}) = G(t) \dot{q},$$

где матрица $G(t)$ такова, что $g_{ij}(t) = -g_{ji}(t)$.

Управление системой осуществляется через дополнительные силы следующего вида:

$$Q_d(t, q, u) = D_1(t)u + D_2(t, q, u),$$

где $u = u(t, q)$.

Уравнения движения запишем в виде уравнений Лагранжа:

$$\frac{d}{dt} \frac{\partial T}{\partial \dot{q}} - \frac{\partial T}{\partial q} = \frac{\partial U}{\partial q} + Q_r + Q_d. \quad (3)$$

Возникает вопрос, можно ли разрешить уравнение (3) относительно $\ddot{q}$ и привести его к нормальной форме. Это можно сделать в окрестности некоторой точки $(t, q, \dot{q})$, если $\det A(t, q) \neq 0$. Для этого матрица $A(t, q)$ должна быть положительно-определенной.

Из (1) и (2) для уравнения Лагранжа найдем:

$$\frac{\partial T}{\partial \dot{q}} = A(t, q) \dot{q} + b(t, q);$$

$$\frac{\partial T}{\partial q} = 1/2 \dot{q}^T \frac{\partial A(t, q)}{\partial q} \dot{q} + \frac{\partial b(t, q)^T}{\partial q} \dot{q} + \frac{\partial d(t, q)}{\partial q};$$

$$\frac{d}{dt} \frac{\partial T}{\partial \dot{q}} = \dot{q}^T \frac{\partial A(t, q)}{\partial q} \dot{q} + A(t, q) \ddot{q} + \frac{\partial A(t, q)}{\partial t} \dot{q} + \frac{\partial b(t, q)}{\partial t} + \frac{\partial b(t, q)^T}{\partial q} \dot{q};$$

$$\frac{\partial U}{\partial q} = C(t) q + \frac{\partial R(q)}{\partial q}.$$

Таким образом, уравнение (3) можно представить в виде

$$\begin{aligned} \dot{q}^T \frac{\partial A(t, q)}{\partial q} \dot{q} + A(t, q) \ddot{q} + \frac{\partial A(t, q)}{\partial t} \dot{q} + \\ + \frac{\partial b(t, q)}{\partial t} + \frac{\partial b(t, q)}{\partial t} \dot{q}^T - 1/2 \dot{q}^T \times \\ \times \frac{\partial A(t, q)}{\partial q} \dot{q} - \frac{\partial b(t, q)}{\partial q} \dot{q}^T - \frac{\partial d(t, q)}{\partial q} = \\ = -C(t)q - \frac{\partial R(q)}{\partial q} + G(t)\dot{q} + D_1(t)u + \\ + D_2(t, q, u) \end{aligned} \quad (4)$$

или

$$\begin{aligned} A(t, q) \ddot{q} = -1/2 \dot{q}^T \frac{\partial A(t, q)}{\partial q} \dot{q} - \frac{\partial A(t, q)}{\partial t} \dot{q} - \\ - \frac{\partial b(t, q)}{\partial t} + \frac{\partial d(t, q)}{\partial q} - C(t)q - \frac{\partial R(q)}{\partial q} + \\ + G(t)q + D_1(t)u + D_2(t, q, u). \end{aligned} \quad (5)$$

Так как $A^{-1}(t, q)$ существует, то $A^{-1}(t, q)$ можно представить в виде

$$A^{-1}(t, q) = A^{-1}(t, 0) + [A^{-1}(t, q) - A^{-1}(t, 0)] \quad (6)$$

где $A^{-1}(t, 0)$ — положительно-определенная матрица. Тогда, учитывая (6), уравнение (3) примет вид:

$$\begin{aligned} \ddot{q} = -A^{-1}(t, q) [1/2 \dot{q}^T \frac{\partial A(t, q)}{\partial q} \dot{q} + \\ + \frac{\partial A(t, q)}{\partial t} \dot{q} + \frac{\partial b(t, q)}{\partial t} - \frac{\partial d(t, q)}{\partial q} + \\ + C(t)q + \frac{\partial R(q)}{\partial q} + D_2(t, q, u)] + \\ + A^{-1}(t, 0)G(t)\dot{q} + A^{-1}(t, 0)D_1(t)u + \\ + [A^{-1}(t, q) - A^{-1}(t, 0)][G(t)\dot{q} + \\ + D_1(t)u]. \end{aligned} \quad (7)$$

Произведя замену переменных по правилу

$$x_i = q_i, \quad x_{n+i} = \dot{q}_i, \quad i = \overline{1, n},$$

введем следующие обозначения:

$$\bar{A}(t) = A^{-1}(t, 0)G(t);$$

$$\bar{B}(t) = A^{-1}(t, 0)D_1(t);$$

$$\begin{aligned} f(t, x, u) = -A^{-1}(t, q) [1/2 \dot{q}^T \frac{\partial A(t, q)}{\partial q} \dot{q} + \\ + \frac{\partial A(t, q)}{\partial t} \dot{q} + \frac{\partial b(t, q)}{\partial t} - \frac{\partial d(t, q)}{\partial q} + \\ + C(t)q + \frac{\partial R(q)}{\partial q} + D_2(t, q, u)] + \\ + [A^{-1}(t, q) - A^{-1}(t, 0)][G(t)\dot{q} + D_1(t)u]. \end{aligned}$$

В результате произведенных изменений система (7) примет следующий вид:

$$\frac{dx_i}{dt} = x_{n+i} \quad (8)$$

$$\begin{aligned} \frac{dx_{n+i}}{dt} = \sum_{j=1}^n a_{ij}(t)x_{n+j} + \sum_{j=1}^n b_{ij}(t)u_j + \\ + f_i(t, x, u), \quad i = \overline{1, n}, \end{aligned}$$

или, что то же самое,

$$\dot{x} = A(t)x + B(t)u + f(t, x, u), \quad (9)$$

$$\text{где } A(t) = \begin{pmatrix} 0 & E \\ 0 & A(t) \end{pmatrix}, \quad B(t) = \begin{pmatrix} 0 \\ \bar{B}(t) \end{pmatrix}.$$

Тем самым получили уравнение (3) в нормальном виде.

Пример. Точка на расширяющейся цилиндрической поверхности находится под действием потенциальных, гироскопических и дополнительных (управляющих) сил. Требуется привести уравнения движения к нормальному виду.

Точка массы m движется в поле тяжести по расширяющейся гладкой цилиндрической поверхности с вертикальной осью. Напряженность поля тяжести равна g , а радиус цилиндра увеличивается с постоянной скоростью $\dot{r}_0$. Совместим ось Oz с осью цилиндра, а ось Ox направим произвольно. На точку действуют гироскопические силы Q_g и дополнительные силы Q_d :

$$Q_g = \begin{pmatrix} 0 & g(t) \\ -g(t) & 0 \end{pmatrix} \begin{pmatrix} \dot{\varphi} \\ \dot{z} \end{pmatrix},$$

$$Q_d = D(t)u + f(t, \varphi, z, u), \text{ или}$$

$$Q_1 = \begin{pmatrix} d_{11}(t) & 0 \\ 0 & d_{22}(t) \end{pmatrix} \begin{pmatrix} u_1 \\ u_2 \end{pmatrix} + \begin{pmatrix} f_1(t, \varphi, z, u) \\ f_2(t, \varphi, z, u) \end{pmatrix}.$$

Запишем уравнения Лагранжа в этих переменных в общей форме:

$$\begin{aligned} \frac{d}{dt} \frac{\partial T}{\partial \dot{\varphi}} - \frac{\partial T}{\partial \varphi} &= -\frac{\partial U}{\partial \varphi} + g(t)\dot{z} + d_{11}(t)u_1 + \\ &+ f_1(t, \varphi, z, u), \\ \frac{d}{dt} \frac{\partial T}{\partial \dot{z}} - \frac{\partial T}{\partial z} &= -\frac{\partial U}{\partial z} - g(t)\dot{\varphi} + d_{22}(t)u_2 + \\ &+ f_2(t, \varphi, z, u). \end{aligned} \quad (10)$$

Используя выражение для скорости в цилиндрических координатах и уравнение связи $p = \dot{p}_0 t + p_0$, найдем кинетическую энергию как функции обобщенных координат:

$$T = \frac{m}{2} (\dot{p}_0^2 + (\dot{p}_0 t + p_0)^2 \dot{\varphi}^2 + \dot{z}^2).$$

Если представить кинетическую энергию в виде (1), то

$$A(t, 0) = \begin{pmatrix} m(\dot{p}_0 t + p_0)^2 & 0 \\ 0 & m \end{pmatrix},$$

$$d(t, 0) = \frac{m \dot{p}_0^2}{2}.$$

Потенциальная энергия $U = mgz$.

$$\frac{\partial T}{\partial \varphi} = m(\dot{p}_0 t + p_0)^2 \dot{\varphi};$$

$$\frac{d}{dt} \frac{\partial T}{\partial \dot{\varphi}} = 2m\dot{p}_0(\dot{p}_0 t + p_0)\dot{\varphi} +$$

$$+ m(\dot{p}_0 t + p_0)^2 \ddot{\varphi}; \quad \frac{\partial T}{\partial \dot{z}} = m\dot{z}; \quad \frac{\partial T}{\partial z} = 0;$$

$$\frac{\partial T}{\partial \varphi} = 0; \quad \frac{d}{dt} \frac{\partial T}{\partial \dot{z}} = m\dot{z}; \quad \frac{\partial U}{\partial z} = mg.$$

Система (10) запишется в виде

$$2m\dot{p}_0(\dot{p}_0 t + p_0)\dot{\varphi} + m(\dot{p}_0 t + p_0)^2 \ddot{\varphi} =$$

$$= g(t)\dot{z} + d_{11}(t)u_1 + f_1(t, \varphi, z, u),$$

$$m\ddot{z} = -mg - g(t)\dot{\varphi} + d_{22}(t)u_2 +$$

$$+ f_2(t, \varphi, z, u) \quad (11)$$

или

$$\begin{aligned} \ddot{\varphi} &= \frac{-2\dot{p}_0}{\dot{p}_0 t + p_0} \dot{\varphi} + \frac{g(t)}{m(\dot{p}_0 t + p_0)^2} \dot{z} + \\ &+ \frac{d_{11}(t)}{m(\dot{p}_0 t + p_0)^2} u_1 + \frac{f_1(t, \varphi, z, u)}{m(\dot{p}_0 t + p_0)^2}, \\ \ddot{z} &= \frac{-g(t)}{m} \dot{\varphi} + \frac{d_{22}(t)}{m} u_2 + \\ &+ \frac{f_2(t, \varphi, z, u)}{m} - g. \end{aligned}$$

Произведя замену переменных $x_1 = \varphi$, $x_2 = z$, $\dot{x}_3 = \dot{\varphi}$, $\dot{x}_4 = \dot{z}$, получим нормальную систему 4-го порядка:

$$\begin{pmatrix} \dot{x}_1 \\ \dot{x}_2 \\ \dot{x}_3 \\ \dot{x}_4 \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} 0 & 0 & 1 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 1 \\ 0 & 0 & \frac{-2\dot{p}_0}{(\dot{p}_0 t + p_0)} & \frac{g(t)}{m(\dot{p}_0 t + p_0)^2} \\ 0 & 0 & \frac{-g(t)}{m} & 0 \end{pmatrix} \times$$

$$\times \begin{pmatrix} x_1 \\ x_2 \\ x_3 \\ x_4 \end{pmatrix} + \begin{pmatrix} 0 & 0 \\ 0 & 0 \\ \frac{d_{11}(t)}{m(\dot{p}_0 t + p_0)^2} & 0 \\ 0 & \frac{d_{22}(t)}{m} \end{pmatrix} \begin{pmatrix} u_1 \\ u_2 \end{pmatrix} +$$

$$+ \begin{pmatrix} 0 \\ 0 \\ \frac{f_1(t, x_1, x_2, u)}{m(\dot{p}_0 t + p_0)^2} \\ \frac{f_2(t, x_1, x_2, u)}{m} - g \end{pmatrix},$$

или в матричной форме:

$$\dot{x} = A(t)x + B(t)u + f(t, x, u).$$

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Воскресенский Е. В., Павлов А. Ю. Управляемость, построение и стабилизация программных движений // Вестн. Морд. ун-та. 1993. № 3. С. 55 — 61.

2. Емельянов И. С., Фуфаев Н. А. Уравнения движения гомомных систем и методы их интегрирования / Горьк. ун-т. Горький, 1970. 87 с.

3. Zubov В. И. Лекции по теории управления. М.: Наука, 1975. 495 с.

4. Красовский Н. Н. Теория управления движением: Линейные системы. М.: Наука, 1968. 476 с.

5. Гумянцев В. В., Озираниер А. С. Устойчивость и стабилизация движения по отношению к части переменных. М.: Наука, 1987. 256 с.

6. Руш Н., Абетс П., Латуа М. Прямой метод Лапунова в теории устойчивости. М.: Мир, 1980. 300 с.

7. Смирнов Е. Я., Юрков А. В. Управление движением механических систем. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. 80 с.

8. Четаев Н. Г. Устойчивость движения. М.; Л.: Гостехиздат, 1946. 204 с.

***** ОБ УСТОЙЧИВОСТИ РАВНОВЕСИЯ МЕХАНИЧЕСКИХ СИСТЕМ

С. А. ФИРСОВА, аспирант

Пусть дана консервативная механическая система с n степенями свободы, описываемая обобщенными координатами $q \in R^n$ и обобщенными скоростями $\dot{q} \in R^n$. Определим кинетическую энергию как функцию

$$T = T(t, q, \dot{q}) = \frac{1}{2} \dot{q}^T A(t, q) \dot{q} + b(t, q)^T \dot{q} + d(t, q), \quad (1)$$

где A — $(n \times n)$ -матрица, b — $(n \times 1)$ -матрица, d — скаляр, и потенциальную энергию как

$$P = P(t, q), \quad P(t, 0) = 0. \quad (2)$$

При этих обозначениях уравнения движения Лагранжа имеют вид

$$\frac{\partial L}{\partial q} - \frac{d}{dt} \frac{\partial L}{\partial \dot{q}} = 0, \quad (3)$$

где $L = T - P$.

Основная теорема об устойчивости равновесия, сформулированная Лагранжем, утверждает, что равновесие консервативной механической системы устойчиво, если потенциальная энергия имеет в этой точке строгий минимум. При доказательстве данной теоремы обычно предполагается, что кинетическая энергия T является положительно-определенной функцией скоростей $\dot{q}$, что, как правило, и бывает в действительности. Однако могут представиться случаи, когда при определенном выборе обобщенных координат q функция T не будет положительно-определенной от-

носительно всех скоростей. С другой стороны, может оказаться, что в положении равновесия минимум функции P не является изолированным.

Допустим, что для некоторого положения равновесия потенциальная функция не имеет строгого минимума. Вытекает ли отсюда, что положение равновесия системы неустойчиво? Некоторые авторы [5, 8] считали, что при отсутствии строгого минимума всегда имеется неустойчивость. Это, однако, как было показано, неверно [1].

Как впервые заметил Пенлеве [9], теорема Лагранжа — Дирихле не лучшая из возможных, ее условия можно ослабить. Это показано в следующей теореме.

Теорема 1. Предположим, что для любого $\eta > 0$ с $B_\eta \subset \Omega$ существует открытое множество $\Psi \subset R^n$ такое, что $0 \in \Psi \subset B_\eta$ и для всех $q \in \partial\Psi$ выполняется условие $P(q) > 0$; тогда начало $q = \dot{q} = 0$ устойчиво.

Можно доказать, что для механической системы с одной степенью свободы ($n = 1$) достаточное условие устойчивости, задаваемое теоремой 1, является также и необходимым.

Итак, за исключением одномерного случая не найдено условие, которое было бы необходимым и достаточным для устойчивости. Ниже проблема устойчивости механических систем с потенциальной энергией, не имеющей строгого минимума, решается различными способами.

Большинство теорем, посвященных проблеме устойчивости положения равновесия, основаны на втором методе Ляпунова. Приведем некоторые из них [7].

Теорема 2. Пусть кинетическая энергия T не зависит явно от времени, $\dot{q}^T A(q) \dot{q}$ — положительно-определенная форма относительно скоростей $\dot{q}_1, \dots, \dot{q}_k$ ($k \leq n$), а $\Pi = d(q)$ — положительно-определенная функция относительно $q_1, \dots, q_m$ ($m \leq n$). Тогда положение равновесия равномерно устойчиво по отношению к $q_1, \dots, q_m, \dot{q}_1, \dots, \dot{q}_k$.

Теорема 3. Пусть накладываемые на систему связи не зависят от времени, т. е. $T = 1/2 \dot{q}^T A(q) \dot{q}$. Кинетическая энергия T — положительно-определенная относительно всех скоростей $\dot{q}_1, \dots, \dot{q}_n$ квадратичная форма, а потенциальная энергия Π — положительно-определенная относительно $q_1, \dots, q_m$ ($m \leq n$). Тогда положение равновесия системы устойчиво относительно $q_1, \dots, q_m, \dot{q}_1, \dots, \dot{q}_n$.

Здесь не требуется изолированности минимума в нуле у потенциальной энергии, однако функции T и Π должны быть положительно определены по некоторым компонентам, что является сильным ограничением.

Следующая теорема дает достаточные условия неустойчивости, при ее доказательстве также используется метод вспомогательных функций Ляпунова.

Дана гамильтонова система с n степенями свободы. $T = T(q, \dot{q})$ представляет собой для каждого q положительно-определенную квадратичную форму относительно $\dot{q}$. $\Pi = \Pi(q)$, $\Pi(0) = 0$, $\partial \Pi(0) / \partial q = 0$.

Теорема 4 (теорема Четаева). Если существует $\varepsilon > 0$ с $B_\varepsilon \subset \Omega$ такое, что

- 1) $\theta = \{ q \in B_\varepsilon; \Pi(q) < 0 \} \neq \emptyset$;
- 2) $0 \in \theta$;
- 3) $(\frac{\partial \Pi}{\partial q} | q) < 0$ для всех $q \in \theta$,

тогда начало $q = \dot{q} = 0$ неустойчиво.

Эта теорема не охватывает случаев неустойчивости систем, для которых $\Pi(q) \geq 0$.

Как видно, приведенные теоремы не решают поставленную проблему окончательно. Поэтому стоит попытаться найти другой подход. Альтернативным методом исследования на устойчивость систем с потенциальной энергией, не имеющей строгого минимума, является асимптотический метод [3]. Кратко изложим его.

Рассмотрим уравнения

$$dx/dt = A_1(t)x + f(t, x); \quad (4)$$

$$dy/dt = A_2(t)y, \quad (5)$$

где $A_1(t) : [T, +\infty) \rightarrow \text{Hom}(R^n, R^n)$ — непрерывное отображение; $f \in C([T, +\infty) \times R^n, R^n)$.

Основные условия. Рассмотрим множества $N_0 \subseteq M \subseteq M_0 \subseteq N$, $N = \{1, \dots, n\}$ и $M = \{1, \dots, m\}$. Пусть $|f_j(t, x_1, \dots, x_n)| \leq \lambda_j(t, |x_{j1}|, \dots, |x_{jq}|)$, $\forall j \in N, j_1, \dots, j_q \in M_0, \lambda \in C([T, +\infty) \times R_+^q)$, $\lambda(t, r_1, \dots, r_q) \leq \lambda(t, \bar{r}_1, \dots, \bar{r}_q)$, $r_i \leq \bar{r}_i$, $i = 1, \dots, q, \forall t \in [T, +\infty)$. Фундаментальная матрица $Y(t) = (y_{ij}(t))$, $i, j = \overline{1, n}$ уравнения (5) нормирована в точке $t_0 \in [T_0, +\infty)$, $T_0 \geq T$ и $Y^{-1}(t) = (y^{jj}(t))$.

Пусть $m_i, \mu_i \in C([T, +\infty), R_+^1)$ удовлетворяют неравенствам $\mu(t) \geq \max_{j \in N_0} |y_{ij}(t)|$, $T \leq t_0 < t < +\infty, i \in M_0$, если $N_0 \neq \emptyset$; $\mu_i(t) \geq 0$, если $N_0 = \emptyset$; $m_i(t) \geq \max_{j \in M_0} \{ \max |y_{ij}(t)|, \mu_i(t) \}$, $T \leq t_0 \leq t \leq +\infty, i \in M_0$, и при любом $c \geq 0$

$$\int_{T_0}^{+\infty} |y^{jk}(s)| \lambda_j(s, cm(s)) ds < +\infty,$$

$$\forall j \in N, \forall k \in M; \quad (6)$$

при $t \rightarrow +\infty, i \in M_0, j \in N$

$$\begin{aligned} \int_{T_0}^{+\infty} |\sum_{k \in M \setminus N_0} y_{ik}(t) y^{jk}(s)| \lambda_j(s, cm(s)) ds = \\ = o(c \mu_i(t)); \end{aligned} \quad (7)$$

при $t \rightarrow +\infty, i \in M_0, j \in N, B = N \setminus M$

$$\int_{T_0}^t \sum_{k \in B} y_{ik}(t) y^{ik}(s) |\lambda_j(s, cm(s))| ds = o(c\mu_i(t)). \quad (8)$$

$$m(s) = (m_{j_1}(s), \dots, m_{j_q}(s)), \quad j_1, \dots, j_q \in M_0.$$

Теорема 5 (теорема Воскрессенского). Пусть решения $z(t; t_0, z_0)$ уравнения

$$dz/dt = \sum_{\substack{k \in N \\ j \in N}} |y^{jk}(t)| \lambda_j(t, zm(t)) \quad (9)$$

определены при всех $t_0 \geq T_0 \geq T$, $z_0 \in R_+^1$,

$t \geq t_0$, а решения уравнения

$$dz/dt = \sum_{\substack{k \in M_0 \\ j \in N}} |y^{jk}(t)| \lambda_j(t, zm(t)) \quad (10)$$

ограничены при всех $t \geq t_0$, $z_0 \in R_+^1$.

Условия (6) — (8) имеют место равномерно относительно $0 \leq c \leq c_0$, $\mu_i(t) \leq k$, $k > 0$, $T_0 \leq t < +\infty$, $\forall i \in M_0$. Если уравнение (5) асимптотически устойчиво по части переменных i , $i \in M_0$, то тривиальное решение уравнения (4) обладает этим же свойством. Если при данных условиях символ o всюду заменить символом O , а уравнение (5) при этом устойчиво по части переменных i , $i \in M_0$, то этим же свойством обладает тривиальное решение уравнения (4).

Комментарии к теореме Воскрессенского.

1. Разрешить уравнение Лагранжа (3) относительно $\dot{q}$ и соответственно привести его к виду (4) можно в окрестности каждой точки (t, q) , где матрица $A(t, q)$ регулярна.

2. Условие монотонности функции λ по второй переменной можно исключить, как показано в [2].

3. Ограниченности решений $z(t; t_0, z_0)$ уравнения (10) можно не требовать [6].

4. Условия (6) — (8) можно заменить одним.

Пусть $\Omega = \{\psi : \psi \in C^{(p)}([T, +\infty), R^n), p \geq 0, |\psi_i(t)| \leq c_1 m_i(t), i = 1, \dots, q, |\psi_i(t)| \leq$

$\leq c_2 p_i(t), i = q + 1, \dots, n, c_1, c_2 \in R_+^1\}$ — линейное нормированное пространство, $\Omega_0 = \{\psi : \psi \in \Omega, ||\psi||_\Omega \leq c, c = \max\{c_1, c_2\}\}$. Допустим, выражение

$$I_i(t, \psi) = \int_{t_0}^t \sum_{\substack{j \in N \\ k \in B}} y_{ik}(t) y^{jk}(s) f_j(s, \psi(s)) ds - \int_{t_0}^{+\infty} \sum_{\substack{j \in N \\ k \in M}} y_{ik}(t) y^{jk}(s) f_j(s, \psi(s)) ds, \quad (11)$$

$B = N \setminus M$, существует при любых $i \in N$, $c \in R_+^1$, $\psi \in \Omega_0$ и $I_i(t, \psi) = o(\mu_i(t))$ равномерно по $\psi \in \Omega_0$ при $t \rightarrow +\infty$ и всех $i \in M_0$. Кроме того, несобственные интегралы из (11) сходятся равномерно по t на любом компакте из $[T_0, +\infty)$.

Тогда теорема Воскрессенского получит следующую формулировку.

Теорема 6. Пусть решения уравнения

$$dz/dt = \sum_{\substack{j \in N \\ k \in N}} |y^{jk}(t)| \lambda_j(t, zm(t)), \quad (12)$$

где $m(t) = (m_{j_1}(t), \dots, m_{j_q}(t)); j_1, \dots, j_q \in M_0$, определены при всех $t_0 \geq T_0 \geq T$, $z_0 \in R_+^1$, $t \geq t_0$, а условие (11) имеет место равномерно относительно $0 < c \leq c_0$, $I_i(t, c)/\mu_i(t) \rightarrow 0$ при $c \rightarrow 0$ равномерно по t , $\mu_i(t) \leq K$, $K > 0$, $T_0 \leq t < +\infty$, $\forall i \in M_0$, тогда если уравнение (5) устойчиво по части переменных i , $i \in M_0$, то этим же свойством обладает тривиальное решение уравнения (4).

Приведем пример, иллюстрирующий применение теоремы Воскрессенского.

Пусть $T = T(q, \dot{q}) = 1/2\dot{q}^2 - 1/2q^2$ — кинетическая энергия механической системы; $\Pi = -\cos(\exp(-1/x^2)) + 1$ при $q \neq 0$, $\Pi = 0$ при $q = 0$ — потенциальная энергия. Очевидно, что потенциальная энергия не имеет строгого минимума в нуле, так как при стремлении q к нулю частота колебаний синусоиды неограниченно возрастает.

$$L = T - \Pi = 1/2\dot{q}^2 - 1/2q^2 + \cos(\exp(-1/x^2)) - 1,$$

$$q - \frac{2\exp(-1/q^2)\cos(\exp(-1/q^2))}{q^3} - \ddot{q} = 0$$

— уравнение Лагранжа. Оно разрешимо относительно $\ddot{q}$, следовательно, приводимо к нормальной форме:

$$\begin{cases} \dot{x} = y; \\ \dot{y} = -x + \frac{2\exp(-1/x^2)\cos(\exp(-1/x^2))}{x^3}. \end{cases} \quad (13)$$

Система (13) имеет положение равновесия $x = y = 0$. Действительно,

$$\lim_{x \rightarrow 0} \frac{2\exp(-1/x^2)\cos(\exp(-1/x^2))}{x^3} = 0.$$

Соответствующая системе (13) линейная система сравнения имеет вид

$$\begin{cases} \dot{x} = y; \\ \dot{y} = -x. \end{cases} \quad (14)$$

Проверим все условия теоремы Вокресенского.

Так как $f_1(t, x) \equiv 0$, $f_2(t, x) = \frac{2\exp(-1/x^2)\cos(\exp(-1/x^2))}{x^3}$, то пусть

$\lambda_1 \equiv 0$, $\lambda_2 = 2\exp(-1/x^2)/|x^3|$. Легко проверить, что λ_1 и λ_2 удовлетворяют условию монотонности по x и

$$|f_i(t, x)| \leq \lambda_i(|x|), \quad i = 1, 2,$$

$$Y(t) = \begin{pmatrix} \cos t & \sin t \\ -\sin t & \cos t \end{pmatrix},$$

$$Y^{-1}(t) = \begin{pmatrix} \cos t & -\sin t \\ \sin t & \cos t \end{pmatrix} =$$

фундаментальная матрица системы (14) и обратная к ней матрица.

Выберем функции $\mu_i(t)$, $m_i(t)$, $i=1, 2$, следующим образом: $\mu_1(t) = \mu_2(t) = m_1(t) \equiv 1$, $m_2(t) = t + 1$.

Проверим условие (б). Так как $\lambda_1 \equiv 0$, то следует проверить лишь условия

$$\int_{t_0}^{+\infty} |y^{2k}(s)| \lambda_2(s, cm(s)) ds < +\infty, \quad k = 1, 2.$$

Очевидно, что

$$\begin{aligned} & \int_{t_0}^{+\infty} |\cos(s)| \frac{2\exp(-(c^2(s+1)^2)^{-1})}{c^3(s+1)^3} ds < \\ & < \int_{t_0}^{+\infty} \frac{2}{c^3(s+1)^3} ds < +\infty. \end{aligned}$$

Так как $N_0 = M = M_0 = N = \{1, 2\}$, то условия (7), (8) выполняются автоматически.

Составим уравнение (9):

$$\begin{aligned} dz/dt &= (|\cos t| + |-\sin t|) \times \\ & \times \frac{2\exp(-(z^2(t+1)^2)^{-1})}{z^3(t+1)^3} \cdot \\ & \cdot (|\cos t| + |-\sin t|) \times \\ & \times \frac{2\exp(-(z^2(t+1)^2)^{-1})}{z^3(t+1)^3} < \frac{4}{|z^3|(t+1)^3}. \end{aligned}$$

Так как $\int_{t_0}^{+\infty} 4/(t+1)^3 dt < +\infty$ и

$\int_R^\infty \frac{1}{|r^3|} dr = \int_R^\infty |r^3| dr = \infty$, то, применяя лемму Винтера [4], получим, что решения исследуемого уравнения определены и ограничены при всех $t \geq t_0$, $z_0 \in R_+^1$.

Условия (б) имеют место равномерно относительно $0 < c \leq c_0$, $\mu_i(t) \leq 1$, $i=1, 2$, и уравнение (14) устойчиво по переменным x, y , следовательно, применяя теорему 5, получим, что тривиальное решение уравнения (13) устойчиво.

Этим примером показано, что исследование механических систем с потенциальной энергией, не имеющей строгого минимума, можно проводить методом, отличным от прямого метода Ляпунова, причем этот метод охватывает более широкий класс систем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абете П., Руш Н., Лялуд М. Прямой метод Ляпунова в теории устойчивости. М.: Мир, 1980. 300 с.
2. Воскресенский Е. В. Методы сравнения в нелинейном анализе. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та. Саран. фил., 1990. 224 с.
3. Воскресенский Е. В. Метод сравнения в нелинейном анализе // Сиб. мат. журн. 1991. Т. 32, № 5. С. 3 — 11.
4. Иосадзава Т. Функции Ляпунова и ограниченность решений // Математика: Сб. М., 1965. С. 95 — 125.
5. Ланцос К. Вариационные принципы механики. М.: Мир, 1965. 300 с.
6. Мамедова Т. Ф. Об устойчивости решения по части компонент // Тр. семинара по дифференциальным уравнениям. Мордов. ун-т. Саранск, 1993. С. 30 — 39. Деп. в ВИНТИ 22.07.93, № 2076 — В93.
7. Румянцев В. В., Озиранер А. С. Устойчивость и стабилизация движения по отношению к части переменных. М.: Наука, 1987. 256 с.
8. Appell P. Traité de mécanique rationnelle, t. IV, fascicule I. Paris: Baulthier—Villars, 1932. P. 235.
9. Painlevé P. Sur la stabilité de l'équilibre// C. R. Acad. Sci. Paris, 1904, ser. A — B, 138. P. 1555 — 1557.

ХРОНИКА. РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГЕОИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)

А. А. ЯМАШКИН, кандидат географических наук,
В. А. МОИСЕЕНКО, старший научный сотрудник

Появление мощной компьютерной техники открыло новые перспективы перед комплексом наук, изучающих региональные проблемы и явления. В этом смысле можно говорить о формировании нового стиля комплексного изучения природно-социальной среды, когда одним из наиболее перспективных инструментов становятся геоинформационные системы (ГИС) — «автоматизированные комплексы, интегрирующие технические, программные, информационные средства централизованного сбора, хранения, обработки, преобразования и отображения (выдачи) пространственно-локализованной информации (геоинформации)» [1, с. 33].

Универсальное значение ГИС постоянно подчеркивается на международных конференциях и симпозиумах [2] и в многочисленных статьях отече-

ственных и зарубежных авторов [3, с. 10 — 14]. В то же время общая идеология отдельных национальных и региональных ГИС часто определяется наиболее актуальными для данных стран и областей проблемами.

Применительно к геоинформационной системе «Мордовия», разрабатываемой Научно-производственным центром экологических исследований при Мордовском государственном университете им. Н. П. Огарева, было признано целесообразным принять в качестве идейного стержня указанной ГИС концепцию комплексного освоения территорий.

При этом само понятие освоения территорий было существенно расширено и структурировано следующим образом:

1. Материальное освоение территорий:

- а) исследовательское и завоевательное,
- б) военно-заградительное,
- в) промышленное и транспортное,
- г) сельскохозяйственное и природо-консервирующее,
- д) социально-бытовое и рекреационное.

2. Информационное освоение территорий:

- а) научно-теоретическое и административно-описательное,
- б) средствами изобразительных искусств, фотографии и кинематографа,
- в) беллетристическое.

В порядке частичного обоснования и комментария к расширенному толкованию понятия «освоение территорий» ниже для каждого его раздела даны примеры соответствующих широко известных отечественных и зарубежных реальных: для раздела 1а — поход Ермака в Сибирь и плавание Колумба, для 1б — Большая засечная черта и линия Мажино, для 1в — стартовый комплекс Байконура и Асуанская ГЭС, для 1г — заповедник Беловежская пуща и Йеллоустонский национальный парк, для 1д — курортная зона Флориды и комплекс зданий Московского университета, для 2а — Атлас Меркатора и материалы Генерального межевания земель Российской империи XVIII — XIX вв., для 2б — серия гравюр «36 видов Фудзи» Хокусая и «Ночь над Днепром» Куинджи, для 2в — описание Курской губернии в «Записках охотника» И. С. Тургенева и топография Парижа в «Человеческой комедии» Бальзака.

Многие продукты человеческой цивилизации могут быть представлены в соответствии с приведенной схемой как суммы нескольких разделов (например, Асуанское водохранилище может быть охарактеризовано формулой 1в + 1г или даже — с приблизительным процентным указанием относительной важности данного объекта с промышленной и сельскохозяйственной точек зрения — формулой 1в (50 %) + 1г (50 %); аналогично московская городская свалка в Оре-

хово-Борисове может быть приблизительно охарактеризована формулой 1в (40 %) + 1д (60 %) и т. д.

Для более детального исследования процессов освоения территорий каждый из разделов схемы может быть подвергнут дальнейшему структурированию с учетом конкретных особенностей данного вида освоения и частной методологии его изучения.

Что касается изучения географических особенностей территории, не связанных напрямую с ее материальным освоением, то все исследования такого рода учитываются в нашей схеме, проходя под пунктом 2а. При этом результаты данных исследований приобретают большую опосредованность, «отстраненность», т. е. получают дополнительную возможность критического взгляда на них как бы «со стороны». Точно так же информация о самой ГИС как инструменте освоения и изучения территории учитывается в этом же пункте.

Итак, понятие «освоение территорий», перерастая рамки частного предмета рассмотрения географии и смежных с ней наук, становится сквозной идеей ГИС «Мордовия» и определяет ее структуру в соответствии с приведенной выше схемой.

Помимо комплексности одним из основных условий полноценного изучения освоенческих процессов является историзм, т. е. рассмотрение этих процессов в предельно широких хронологических рамках, что позволяет нередко устанавливать нетривиальные ассоциативные связи между разновременными явлениями различной природы. Тем самым появляется возможность объединить и синтезировать в рамках геоинформационной системы «Мордовия» результаты археологических, топонимических, лингвистических, филологических и иных региональных этнокультурных исследований, органично наложив их на слой официальной статистической информации. Помимо прочих достоинств ГИС упрощает доступ к информации и оптимизирует ее представление и

усвоение. Облегчаются творческая интерпретация, сопоставление и анализ разнородной и разновременной информации, чему в значительной степени способствует ее географическая локализация на экране дисплея в виде электронных тематических карт, т. е. карт, составленных и воспроизводимых с помощью электронных средств получения, обработки и воспроизведения изображения и хранящихся в виде цифровых массивов на компактных носителях информации [4]. Более крупными структурными единицами ГИС являются электронные атласы — «проблемно-ориентированные банки электронных карт» [4, с. 35]. Благодаря электронным картам и атласам базы данных ведутся и анализируются не «вслепую», т. е. вне общей географической ситуации, а на фоне пространственных взаимосвязей всего комплекса рассматриваемых явлений.

Учет совокупности методологических установок ГИС «Мордовия» наиболее полно и последовательно может быть осуществлен, с нашей точки зрения, на базе реализуемых с помощью соответствующих компьютерных программ «сценариев просмотра» электронных карт и атласов. Тематика конкретных сценариев определяется перечисленными выше типами освое-

ния и их разнообразными сочетаниями. Не исключается попеременный просмотр текстовой, табличной и картографической информации, замедление или ускорение просмотра в соответствии со значимостью конкретного фрагмента, обращение к различным звуковым и графическим анимационным эффектам и т. д. Назойливость слишком жестких глобальных сценариев может быть преодолена разбиением их на более мелкие, локальные, не препятствующие навигации по пространству атласа или карты, но проявляющие себя, когда в поле просмотра попадают соответствующие фрагменты картографического изображения.

Приведенный выше краткий обзор характерных особенностей ГИС «Мордовия» уместно завершить указанием на ту принципиальную роль, которую играет в ней отображение динамики изучаемых процессов средствами компьютерной картографии. В этом плане возможности графической и звуковой анимации электронных карт должны в перспективе существенно дополнить и обогатить тот арсенал традиционных средств отображения динамики процессов, с помощью которого картографы предыдущих десятилетий преодолевали статичность карт на бумажных носителях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Берлянт А. М. Интеграция картографии и геоинформатики: тенденции 90-х годов // Геодезия и картография. 1991. № 7. С. 31 — 36.

2. Красовская Т. М., Тихонов В. С. Географические информационные системы для исследования изменений окружающей среды // География и природные ресурсы. 1992. № 4. С. 175 — 177.

3. Петров П. В. Тенденции развития автоматизации и тематической картографии // Автоматизированная картография и геоинформатика. М., 1990. С. 3 — 14.

4. Семенов В. И. Электронные карты: понятия, определения. Электронные карты в США // Геодезия и картография. 1993. № 11 — 12. С. 34 — 37.

СПОРТ В МОРДОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ: ИСТОРИЯ, ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

Ф. С. ОГОРОДНИКОВ, заведующий кафедрой физической культуры и спорта

Чтобы узнать о спортивной работе Мордовского университета, достаточно побывать на одном из чемпионатов Мордовии: студенты впереди по всем видам спорта. Впрочем, отличаются они не только в своей республике. Сегодня в национальных сборных страны и студенческих командах представители МГУ занимают довольно прочные позиции. Но об этом чуть позже.

Кафедра физкультуры и спорта в университете существует с его основания — с 1957 года и занимается как учебным процессом, так и подготовкой высококлассных спортсменов.

Один из востранов кафедры — В. Г. Федоровых. Он работает здесь почти с самого основания вуза, был заведующим кафедрой, председателем спортклуба, тренировал сборные команды по лыжным гонкам и настольному теннису. Конечно, каким бы ни был специалист, а одному «вытянуть» два совершенно разных направления практически невозможно. Но В. Г. Федоровых создал базу этих видов спорта, которые являются ведущими в университете и по сей день. Студенческая лыжная команда — одна из сильнейших в республике. Два года назад наш спортсмен Александр Самойлов представлял вуз на Всемирных зимних студенческих играх в Польше и стал чемпионом в составе эстафетного квартета (4 по 10 км).

Восемь заведующих сменилось на кафедре, и каждый из них сделал немало для того, чтобы сегодня о ее работе говорили с уважением, даже гордостью. Университет и его воспитанники признательны Е. М. Иутину, З. Н. Тереховой, В. Г. Федоровых, Г. И. Куфтину, А. А. Никищелову, В. А. Боброву. При них строилась и развивалась база кафедры. Сегодня в

нашем распоряжении четыре спортзала, три лыжные базы, арендуемые спортооружения, но и этого недостаточно даже для проведения программных учебных занятий, не говоря уже о спортивных секциях, так как число студентов существенно выросло. Сейчас учебные занятия ведут 23 старших преподавателя, 11 преподавателей и 6 тренеров-преподавателей. Это маленький физкультурно-спортивный вуз при огромном университете.

Как бы ни убеждали скептики, что число занимающихся физкультурой и спортом год от года уменьшается, наши залы всегда переполнены. Университету с его студенческим городком в городе необходимы свои стадионы, бассейны, восстановительные центры, залы для работы секций, высококлассный инвентарь и элементарный спортинвентарь для проведения учебных занятий, для занятий физкультурой во внеучебное время. Мы уверены, что если все это будет доступно студентам, физкультурников будет еще больше. Как из гор песка вымывают крупицы золота, так и «золотодобывающие» спортсмены могут выявиться из огромной армии занимающихся физической культурой. Физкультура и спорт — это два звена одной неразрывной цепи.

Наши преподаватели организуют спортивно-массовую работу в секциях по различным видам спорта. Приведем несколько интересных фактов. Почти все сильнейшие легкоатлеты-студенты были «высеяны» Э. С. Смирновым. С его помощью пришел в большой спорт мастер по бегу чемпион страны Михаил Храмов. Он же воспитал многократную чемпионку страны, экс-рекордсменку мира по спортивной ходьбе, мастера спорта международ-

ного класса Веру Маколову, которая занималась у Э. С. Смирнова бегом на длинные дистанции. Его же воспитанница — еще одна многократная чемпионка России по спортивной ходьбе, экс-рекордсменка мира, бронзовый призер чемпионата Европы Елена Аршинцева. Все сильнейшие боксеры Мордовии тренируются у преподавателя университета старшего тренера сборной Мордовии по боксу В. И. Нефедова, сборные команды республики по дзюдо и самбо — у В. И. Брыкова. Таланты они находят среди студентов во время учебных занятий, да и городская молодежь идет заниматься к вузовским тренерам.

Если до 1985 года мастеров спорта в МГУ были единицы, то в последние годы студенты участвовали в чемпионатах и кубках мира, Европы, Всемирных студенческих играх. В первую очередь это, конечно, легкоатлеты. Открыл дорогу на международную арену бегун на длинные дистанции Михаил Храмов. В 1985 году в австрийском городе Грац он в составе студенческой сборной СССР по кроссу стал чемпионом мира среди студентов, а через год также первым из мордовских студентов выступил на Всемирных летних студенческих играх в Загребе. В беге на 10 км Михаил занял четвертое место. Впоследствии выпускник филологического факультета дважды выступал в составе сборной СССР на чемпионатах мира по кроссу, был шестым на Кубке Европы в беге на 10 км, чемпионом страны, победителем ряда международных турниров (в США, Франции, Италии, Японии и других странах). С 1986 по 1994 год Михаил выступал в составе национальной сборной страны.

На Всемирных летних играх студентов в Дуйсбурге (Германия) призером в ходьбе на 10 км стала студентка математического факультета Вера Маколова, впоследствии многократная чемпионка страны. И почти одновременно еще две представительницы спортивной ходьбы вышли на международную арену: студентка математи-

ческого факультета Елена Аршинцева, мастер спорта международного класса, шестикратная чемпионка страны, участница чемпионатов и кубков мира по спортивной ходьбе, и будущий филолог Лариса Рамазанова, призер Всемирных студенческих игр в США и Японии. Наибольшего успеха Лариса добилась в сезоне 1995 года, завоевав звание чемпионки России, заняв пятое место на чемпионате мира в Швеции и став бронзовым призером Всемирной «Универсиады-95» в Японии. Одна из славных страниц истории спортивной ходьбы — победа на чемпионате мира 1995 года в Швеции Ирины Станкиной, которая, как и Елена с Ларисой, тренируется у В. М. Чегина.

Несомненно, названные студенты прославили свой вуз во всем мире. Но мы не забываем о вкладе в спортивную копилку и других представителей университета. В архивах кафедры есть документы о первых мастерах спорта по лыжам братьях Игоре и Вячеславе Лентовых. Мастерами по этому же виду спорта были Лия Кузнецова и Дмитрий Беспалов. Два последних года инструктор кафедры Александр Сухоткин был победителем международных марафонов «Лыжня России». Кстати, он пока единственный, кому за победу на лыжне достался суперприз — автомобиль.

Среди биатлонистов только за последние пять лет тоже появились два мастера — Владимир Забнякин и Вячеслав Девяткин.

В боксерских командах вуза и республики были мастера спорта А. Круш, В. Янькин, И. Федосеев, Р. Талин, В. Мотаев, И. Шукшин.

В последние годы на всероссийском ковре и татами все громче заявляют о себе наши самбисты и дзюдоисты — Саркиз Геворкян и Руслан Юськаев. Александр Кручинкин был победителем юношеского первенства мира по греко-римской борьбе, ряда международных турниров.

На экономическом факультете учится один из сильнейших молодых

шахматистов России Сергей Волков.

Студенческие команды по футболу и баскетболу также выиграли ряд всероссийских турниров.

Интересно то, что почти все названные мастера прошли через внутриузовские турниры «Универсиады». Она проводится по четырнадцать видам спорта. Команды факультетов ведут борьбу за каждое очко, что вызывает большой спортивный азарт, способствует росту отряда физкультурников. Но, пожалуй, наиболее массовое мероприятие — ежегодная легкоатлетическая эстафета среди факультетов. Она по традиции проводится на Советской площади Саранска. В честь 50-летия Победы борьбу на импровизированных спортивных дорожках вели более 200 команд. Это своеобразный рекорд эстафет, и вообще подобных турниров.

Спортивно-массовые мероприятия в

университете проводятся на высоком уровне как с точки зрения организации, так и в плане судейства. И в этом нет ничего удивительного, так как два преподавателя имеют Всероссийскую судейскую категорию, шесть человек — первую, пять преподавателей — тренеры высшей категории.

Несмотря на заметные успехи, в работе кафедры есть еще много проблем, одна из главных среди которых — расширение материальной базы, с тем чтобы каждый студент мог заниматься любимым видом спорта. Требуется совершенствования учебный процесс. С каждым годом увеличивается число студентов с ослабленным здоровьем, поэтому надо создавать группы с учетом заболевания, а для их занятий нужны специально оборудованные места и подготовленные преподаватели, которые смогли бы эффективно заниматься оздоровлением студентов.

«КАМНИ РАССКАЗЫВАЮТ...»

27 лет прошло с момента зарождения минералогического музея на географическом факультете Мордовского университета. 16 лет назад сформировалась первая экспозиция и музей был открыт для работы студентов и посещения любителей камня. С тех пор в его залах побывало несколько десятков тысяч человек. Ежегодно организуется около 100 экскурсий для более чем 2 000 человек. Учащиеся школ города и республики, студенты различных вузов Саранска, гости Мордовии с удовольствием приходят в музей.

Громадная работа проведена за это время научным руководителем музея доцентом А. Г. Жильцовым, заведующей Г. Н. Володиной. Добрые слова благодарности нужно сказать первому заведующему музеем О. И. Жильцовой. Именно ее трудами и заботами были оформлены первые выставки и экспозиции. С 600 образцов его фонд вырос до 2 700. Совсем недавно уни-

верситет приобрел коллекцию поделочных камней и изделий из них у жителя Таджикистана, уроженца Мордовии П. Горбачева.

Минералогические коллекции экспонируются не только в стенах университета. С 1992 года установились тесные связи с республиканским Музеем изобразительных искусств и Красведческим музеем. Фонды музея представлены на организованных ими выставках «Камни рассказывают» и «Природа и дизайн». Большая помощь в пополнении учебных коллекций оказывается географическим кабинетам средних школ.

С интересом идут в музей посетители, чтобы познакомиться с необычными для Мордовии экспонатами, услышать квалифицированный рассказ о строении Земли, ее геологическом прошлом, минералогическом составе составляющих ее пород. Но богатству образцов имеющаяся сейчас экспозиция

превосходит аналогичные в Нижнем Новгороде, Пензе, Самаре, Ульяновске. Посетители часто дарят музею заинтересовавшие их своей необычностью камни, и тогда рядом с экспонатом появляется имя человека, его нашедшего. Может быть, поэтому минералогический музей уже давно стал народным.

Приказом Министерства культуры Российской Федерации от 13 ноября 1995 года за развитие музейного дела, сохранение и популяризацию научных знаний в области геологии и активное участие в воспитании подрастающего поколения минералогическому музею первого среди музеев университета присвоено почетное звание народного.

В. Н. ПРЕСНЯКОВ, кандидат географических наук

ВЕСТНИК МОРДОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИЗДАНО В МОРДОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Издательство Мордовского университета выпустило в свет две новые книги по устному народному творчеству — "Свадебные обряды и песни мордвы (мокши и эрзи). Восточнофинно-угорский контекст" Т. П. Девяткиной и "Лирика душевной печали (Мордовская обрядовая поэзия)" М. Г. Имярекова. Несмотря на разный предмет исследования (первая посвящена свадебному обряду, вторая — похоронному), многое роднит эти книги. Они знакомят с историей собирания и изучения фольклора, формами бытования песен и причитаний, анализируются их связь с обрядами, лексические и поэтические особенности.

Книги предназначены для студентов филологического факультета и факультета национальной культуры, но могут заинтересовать всех, кому небезразлично устное творчество мордовского народа.